

Указъ изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Преосвященному Платону, Архіепископу Кишиневскому и Хотинскому.

О распредѣленіи по епархіямъ суммы, назначенной въ 1915 г. изъ казны на содержаніе духовенства.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушала: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ Прокурора, отъ 26 февраля 1914 года, за № 7085, о распредѣленіи по епархіямъ, по приложенной вѣдомости, суммы, назначенной въ 1915 году, согласно Высочайше утвержденной 5 февраля сего года Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1915 годъ, на содержаніе духовенства. Справка: По Высочайше утвержденному 23 апрѣля 1893 года мѣнію Государственнаго Совѣта, предоставлено Святѣйшему Синоду изъ ассигнуемыхъ въ его распоряженіе суммъ на содержаніе городского и сельскаго духовенству назначать, сообразуясь съ мѣстными условіями, содержаніе причтамъ, не получающимъ такового или учрежденнымъ вновь, въ слѣдующихъ размѣрахъ: 1) въ епархіяхъ, въ коихъ введены Высочайше утвержденные штаты 4 апрѣля 1842 года, а также въ Грузинскомъ Экзархатѣ: священникамъ отъ 100 до 600 руб., діаконамъ отъ 80 до 300 руб. и псаломщикамъ отъ 40 до 200 руб., и 2) въ епархіяхъ Рижской, Холмско-Варшавской, Туркестанской и Финляндской—въ

размѣрахъ, установленныхъ изданными для сихъ епархій штатами. За среднюю же цифру содержанія для причтовъ, согласно циркулярному указу Святѣйшаго Синода, отъ 9 июня 1893 года за № 5, приняты оклады: священнику 300 р., діакону 150 р. и псаломщику 100 р. Приказали: Въ предложеніи Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора изъяснено, что изъ кредита въ 2 550.000 руб., ассигнованнаго по законамъ 22 июня 1914 года на увеличеніе содержанія существующимъ причтамъ, въ виду наступившихъ военныхъ событій, исключены, согласно закону 27 іюля 1914 года, изъ финансовой смѣты Святѣйшаго Синода 1914 года и обращены въ ресурсы казны. За симъ, по Высочайше утвержденной 5 февраля 1915 года Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1915 годъ, вышеозначенный кредитъ въ 2.400.000 руб. возстановленъ въ финансовой смѣтѣ Святѣйшаго Синода 1915 года и подлежитъ, согласно пунктамъ II-мъ вышеупомянутыхъ законовъ 22 июня 1914 года, распредѣленію по епархіямъ общими суммами распоряженіемъ Святѣйшаго Синода. Въ виду сего Хозяйственнымъ Управленіемъ произведено распредѣленіе помянутыхъ 2.400.000 р. между 48 епархіями и Грузинскимъ Экзархатомъ, полагая на каждую отъ 2.000 руб. до 80.000 руб. Руководствуясь въ этомъ распредѣленіи постановленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 15 декабря 1911 года за № 9796, согласно коему предположено въ ближайшіе 6 лѣтъ обезпечить средне-нормальными окладами содержанія всѣ причты, получающіе менѣе таковыхъ окладовъ, или совершенно не получающіе содержанія изъ казны, Управленіе совершенно не включило въ это распредѣленіе тѣ 15 епархій, въ коихъ всѣ причты уже получаютъ средне-нормальные (и выше) оклады содержанія; при опредѣленіи же размѣра суммъ на каждую изъ включенныхъ въ настоящее распредѣленіе епархій Управленіе принимало за основаніе размѣръ кредита, потребнаго на доведеніе до средне-нормальныхъ окладовъ содержанія всѣмъ причтамъ данной епархій, учитывая при этомъ и сравни-

тельную общую обеспеченность духовенства той или иной епархіи. Обсудивъ настоящее предложеніе, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) поручить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ: изъ суммы 2.400.000 руб., добавленной въ семь году, согласно Высочайше утвержденной 5 февраля 1915 года Государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1915 годъ,— на содержаніе духовенства, отпустить 35.000 руб. въ распоряженіе Грузино-Имеретинской Синодальной Конторы, для распределенія по ближайшему усмотрѣнію ея между подвѣдомственными ей епархіями, остальные 2.365.000 руб. распределить на 48 епархій, въ томъ числѣ на Кишиневскую епархію шестьдесятъ тысячъ (60.000) рублей; и 2) разъяснить Преосвященнымъ сихъ епархій и Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторѣ: а) что распределеніе назначаемыхъ по епархіямъ суммъ на содержаніе тѣмъ или другимъ причтамъ представляется Епархіальнымъ Преосвященнымъ по предварительномъ разсмотрѣніи дѣла на благочинническихъ и епархіальныхъ съѣздахъ духовенства, на основаніи представленныхъ ими мотивированныхъ заключеній, въ коихъ относительно каждаго причта которому съѣздъ предполагаетъ назначить содержаніе, должны быть указаны: составъ причта, количество прихожанъ, размѣръ причтоваго земельного надела и доходности по всѣмъ источникамъ поступленія, а также имѣются ли въ приходѣ церковно-причтовые дома. При этомъ представляется желательнымъ, чтобы изъ распределяемыхъ нынѣ суммъ по 14 епархіямъ (Владимірской, Вологодской, Воронежской, Вятской, Донской, Курской, Московской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и Харьковской) было назначено постоянное съ 1915 года содержаніе тѣмъ причтамъ, коимъ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 24—25 марта 1914 года за № 2714, изъясненному въ указахъ на имя Преосвященныхъ поименованныхъ епархій отъ 27 марта, было назначено жалованье за 1913 годъ изъ остатковъ отъ

ассигнованнаго въ томъ году кредита на содержаніе духовенства, а также тѣмъ причтамъ Владимірской, Вологодской, Нижегородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Харьковской епархій, коимъ назначено жалованье за 1914 годъ, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 14—16 марта 1915 года за № 2095. изъясненному въ указахъ на имя Преосвященныхъ сихъ епархій отъ 18 марта;

б) что при назначеніи или увеличеніи содержанія причтамъ слѣдуетъ придерживаться установленныхъ Святѣйшимъ Синодомъ средне-нормальныхъ окладовъ содержанія, допускаемая отступленіе отъ нихъ въ сторону увеличенія лишь въ случаяхъ крайней скудости мѣстныхъ ередствъ обезпеченія причтовъ, при сужденіи о чемъ личныя и случайныя обстоятельства священно-церковно-служителей, на примѣръ: многосемейность, болѣзнь, пожаръ, неурожай, не должны быть приимаемы во вниманіе, такъ какъ при такого рода обстоятельствахъ могутъ быть назначены единовременныя пособія;

в) что причтамъ, коимъ будетъ назначено или увеличено содержаніе, таковое подлежитъ выдачѣ съ 1 января текущаго года за весь годъ, но съ тѣмъ, чтобы оно производилось по расчету времени дѣйствительной службы членовъ причта въ тѣхъ приходяхъ, на которые содержаніе назначено;

г) что, на основаніи п. III законовъ 22 іюня 1914 года, могущіе образоваться остатки отъ некомплекта въ причтахъ какъ существующихъ, такъ и новооткрываемыхъ, которымъ назначено или увеличено содержаніе съ текущаго 1915 года изъ суммы 2.400.000 руб., ассигнованной означенными законами на увеличеніе содержанія духовенства, точно такъ же, какъ и остатки отъ суммъ 500.000 руб., 580.000 руб., 600.000 руб. и 600.000 руб., ассигнованныхъ на ту же надобность по законамъ 10 іюня 1909 г., 10 іюня 1910 г., 8 марта 1911 года, 26 іюня 1912 г. и 4 іюля 1913 г., обращаются въ ресурсы Государственнаго Казначейства; за исполненіемъ сего пункта Консисторіямъ надлежитъ имѣть особо тщательное наблюденіе, отнюдь не смѣшивая

остатковъ отъ вышеупомянутыхъ суммъ — съ остатками отъ болѣе раннихъ, до 1909 г., ассигнованій на содержаніе духовенства, каковыя остатки, по истеченіи года, должны, по прежнему порядку, перечисляться въ спеціальныя средства Святѣйшаго Синода, и д) что въдомости о причтахъ, которымъ будетъ назначено или увеличено содержаніе изъ вновь ассигнуемой суммы, должны быть незамедлительно представлены Духовными Консисторіями въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ. Для надлежащаго по сему опредѣленію исполненія передать выписку изъ онаго въ Хозяйственное Управленіе, а Грузино-Имеретинской Святѣйшаго Синода Конторѣ и Преосвященнымъ 48 епархій послать послать печатныя указы, съ обозначеніемъ въ нихъ количества назначаемой на епархію суммы. Мая 21 дня 1915 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА, НАЗНАЧЕНІЯ.

Ок. сем. Александръ Грыу псалом. къ ц. с. Татарештъ,
Орг. у., 25 авг.

Ок. сем. Александръ Дашкеевъ псал. къ ц. с. Сухулучень,
Орг. у., 27 авг.

ПЕРЕМѢЩЕНІЯ.

Ц. с. Буды, Киш. у., псал. Іустинъ Поликовичъ къ ц. с. Высокое, Сор. у., 25 авг.

Ц. с. Гирбово, Сор. у., Захарія Руссу къ ц. с. Раилянки,
Аккер. у., 25 авг.

Ц. с. Сухулучень, Орг. у., псал. Іоаннъ Поповичъ къ ц. с. Буды, Киш. у., 27 авг.

Ц. с. Новачъ, Киш. у. свящ. Павелъ Бушила и Вознесен. соб. г. Рени свящ. Сергій Гордуза одинъ на мѣсто другого 26 августа.

УВОЛЬНЕНІЯ.

Ц. с. Татарештъ, Орг. у., псал. Василій Косякъ отчисленъ отъ мѣста, для поступл. въ высш. учеб. завед., 25 авг.

Отъ Духовнаго Комитета.

I

За послѣднее время поступленіе въ Духовный Комитетъ изъ приходовъ бѣлья и другихъ вещей весьма сократилось, между тѣмъ нужда въ арміи не ослабѣла, а усилилась, и помощь является крайне необходимой, особенно въ виду предстоящей зимы.

Поэтому Духовный Комитетъ озабоченный задачей помощи Родинѣ и ея защитникамъ въ настоящей тяжелой войнѣ, обращается къ духовенству Кишиневской епархіи и усерднѣйше проситъ побуждать мѣрами пастырскаго убѣжденія прихожанъ къ усиленнымъ пожертвованіямъ бѣлья, полотна, теплыхъ вещей и проч. для нуждъ дѣйствующей арміи.

II

Подтверждая напечатанное въ 29—30 № Епархіальныхъ Вѣдомостей за сей годъ обращеніе священника Николая Тимотина къ настоятелямъ приходовъ по поводу открытаго въ г. Кишиневѣ Пріюта-Мастерской для увѣчныхъ воиновъ, Духовный Комитетъ настоящимъ поручаетъ духовенству епархіи оповѣстить населеніе приходовъ о функционирующемъ въ Кишиневѣ Пріютѣ для увѣчныхъ, ознакомивъ желающихъ поступить туда съ содержаніемъ вышеозначенной замѣтки завѣдующаго Пріютомъ, священника Н. Тимотина.

III

Въ п. 2 изданныхъ въ циркулярѣ правилъ по ктиторскому сбору сказано было, чтобы священники ктиторскій сборъ по книжкамъ представляли по назначенію *черезъ благочинныхъ*.

Настоящимъ Духовный Комитетъ, на основаніи журнала засѣданія своего отъ 31 іюля сего года, поручаетъ священникамъ епархіи представлять сборъ по своему приходу на Сиротскій Пріютъ не черезъ благочинныхъ, а непосредственно при рапортахъ на имя Его Высокопреосвященства,

Высокопреосвященнѣйшаго Архієпископа Платона. благо-
чинному же объ отсылкѣ или личномъ врученіи Его
Высокопреосвященству денегъ доносятъ. для свѣдѣнія при
провѣркѣ ктиторскихъ квитанціонныхъ книгъ. Въ препо-
водительныхъ рапортахъ обязательно обозначать № ктитор-
ской книжки.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ дополненіе къ объявленію своему, напечатан-
ному въ 31—32 №№ Кишиневскихъ Епархіальныхъ
Вѣдомостей, Правленіе Кишиневскаго Духовнаго Муж-
скаго Училища увѣдомляетъ, что учебныя занятія въ
училищѣ начнутся съ 1-го Сентября, при чемъ до
Рождества Христова занятія будутъ производиться съ
учениками 1 и 4 классовъ, а послѣ Рождества Хри-
стова съ учениками 2 и 3 классовъ.

ОТЧЕТЪ

Духовнаго Комитета по приходу веще- выхъ пожертвованій

за время съ 14 марта по 3 апрѣля 1915 г. включительно.

№№

1075. Марта 14. Отъ свящ. ц. с. Кокорозень Орг. у.,
А. Петкова 15 рубахъ, 14 паръ каль-
сонъ, 1 полотенце, 2 пары портянокъ,
вѣсъ 30 фунтовъ
1076. » » Отъ I-го женскаго училища 5 мѣ-
шочковъ съ подарками, вѣсъ 10 фун-
товъ.
1077. Марта 16. Отъ церк. старосты с. Оипотень,
Киш. у., И. Трифона 6 рубахъ,
5 паръ кальсонъ, 2 подушки, 2 ков-
рика, вѣсъ 30 фунтовъ.
1078. » » Отъ свящ. с. Яловень, Киш у.,
Іоанна Бивола и прих. 12 рубахъ,
15 паръ кальсонъ, 10 полотенецъ,
8 ящиковъ съ подарками, вѣсъ
17 пудовъ 20 фунтовъ.
1079. » » Отъ свящ. с. Ворниченъ, Киш. у.,
Іероѳея Крокоса и прих. 10 рубахъ,
10 паръ кальсонъ, 4 полотенца, вѣсъ
20 фунтовъ.
1080. » » Отъ жительницы г. Кишинева Ольги
Лойко 50 аршинъ полотна, вѣсъ
10 фунтовъ.
1081. Марта 17. Отъ свящ. с. Казанешть, Киш. у.,
К. Груева и прих. 15 паръ чулокъ,
32 пары перчатокъ, вѣсъ 25 фун.

1082. » Отъ причта и прихожанъ (с. Бала-
шть, Оргѣв. у. 716 яиць, вѣсь
3 пуда.
1083. » Отъ благочиннаго, протоіерея Аѳа-
насія Усиневича, 1 рубаха, 1 пара
кальсонъ, 2 пары чулокъ, 1 коврикъ,
9 паръ перчатокъ, вѣсь 2 пуда
15 фунтовъ.
1084. Марта 18. Отъ свящ. с. Сараторезешъ, Киш. у.,
Захаріи Чайковскаго, 23 фунта сала,
3 мѣшка сухарей, вѣсь 9 пудовъ
23 фунта.
1085. » Отъ прихожанъ, церкви села Зага-
иканъ, Оргѣв. у., 225 яиць, 7 пу-
довъ куличей, вѣсь 7 пудовъ.
1086. Марта 20. Отъ свящ. с. Сагайданъ, Бендер. у.,
В. Алестаря, 1 рубаха, 1 пара каль-
сонъ, 2 пары чулокъ, 1 скатерть,
вѣсь 6 фунтовъ.
1087. » Отъ свящ. с. Бубуечь, Киш. у.,
М. Кочубинскаго и прих. 200 яиць,
вѣсь 1 пудъ.
1088. » Отъ благочиннаго, протоіерея Ди-
митрія Балтаги, 22 рубахи, 5 паръ
кальсонъ, вѣсь 1 пудъ.
1089. Марта 24. Отъ свящ. с. Ново-Кобуски, Бендер.
у., Никиты Завальницкаго 30 ру-
бахъ, 32 пары кальсонъ, 14 поло-
тенцевъ, 26 арш; полотна 800 яиць,
вѣсь 6 пудовъ.
1090. Марта 25. Отъ свящ. с. Меренъ, Кишин. у.,
Петра Табана и прих. 3 рубахи,
160 яиць, вѣсь 5 пудовъ.

1091. Марта 26. Отъ Волканешт. Дамскаго Кружка Обит. Краснаго Креста 3 мѣшка бѣлья, 1 ящикъ сухарей, вѣсъ 10 пудовъ.
1092. » Отъ жены свящ. с. Ст.-Дубоссаръ, Киш. у., П. И. Гумы 6 рубахъ, 5 паръ кальсонъ, 100 яицъ, вѣсъ 1 пудъ.
1093. Марта 31. Отъ свящ. с. Ларги, Изм. у., Харитона Греку и прих. 23 рубахи, 3 пары кальсонъ, 45 полотенцевъ, 8 платковъ, 1 простынь, вѣсъ 2 пуда.
1094. » Отъ свящ. с. Тешкурень, Бѣл. у., С. Стратана 1328 яицъ, 100 крестиковъ, 4 пуда 20 фунтовъ.
1095. » Отъ свящ. с. Александровки, Ак. у., Василя Ругинова, 1 рубаха, 35 паръ кальсонъ, 1 кожухъ, 5 паръ перчатокъ, вѣсъ 27 фунтовъ.
1096. » Отъ свящ. с. Мегуры, Бѣл. у., М. Гроссу и прих. 650 яицъ, вѣсъ 2 пуда 7 фунтовъ.
1907. » Отъ свящ. с. Ставчанъ, Хот. у., А. Назымова 39 рубахъ, 20 паръ кальсонъ, 209 полотенцевъ, 27 аршинъ полотна, вѣсъ 3 пуда 25 фун.
1098. » Отъ свящ. с. Грозинець, Хот. у., Никодима Петранича, 64 рубахи, 60 паръ кальсонъ, 30 полотенцевъ, 46 аршинъ полотна, вѣсъ 4 пуда 25 фунтовъ.
1099. » Отъ свящ. с. Шестачъ, Сор. у., А. Щефирцы и прихожанъ 5 рубахъ,

- 1 пара кальсонъ, 9 аршинъ полотна,
1 пара чулокъ, 5 подушекъ, 7 коври-
ковъ, вѣсь 1 пудъ 10 фунтовъ.
1100. Отъ Талмазской земской приходской
школы чрезъ свящ. А. Елаша, 990
яиць, 18 кис. съ под., вѣсь 6 пу-
довъ 30 фунтовъ.
1101. Отъ свящ. с. Темеліуць, Сор. у.,
Іоанна Брумы и прих. 7 рубахъ,
3 пары кальсонъ, 2 подушки, 2 блу-
зы, 38 рубахъ желтыхъ, 17 юбокъ,
13 кофть, 14 головныхъ платковъ,
вѣсь 2 пуда 25 фунтовъ.
1102. Отъ свящ. с. Парканъ, Сор. у.,
Георгія Мупинскаго, 1 рубаха, 2 па-
ры кальсонъ, 8 полотенцевъ, 16 ар-
шинъ полотна, 200 яиць, вѣсь 1 пудъ
8 фунтовъ.
1103. Отъ свящ. с. Вережанъ, Сор. у.,
Антиоха Самсонова и прих. 27 ру-
бахъ, 49 паръ кальсонъ, 66 поло-
тенцевъ, 30 аршинъ полотна, 59 плат-
ковъ, 5 пудовъ сухарей, вѣсь 13 пу-
довъ 7 фунтовъ.
1104. Отъ причта и прихожанъ с. Таракліи,
Бендер. у., 1023 яиць, 5 1/2 фунтовъ
сада, вѣсь 5 пудовъ 10 фунтовъ.
1105. Отъ свящ. с. Сальчи, Сорок. у.,
Г. Врабія и прихожанъ 12 рубахъ,
12 паръ кальсонъ, 9 подушекъ, 5
мѣш. съ под., вѣсь 2 пуда 25 фун.
1106. Отъ благочиннаго священника Алек-
сандра Грозава, 43 рубахи, 73 пары

- кальсонъ, 7 полотенцевъ, вѣсь 1 пудъ 36 фунтовъ.
1107. Отъ свящ. с. Валенъ-Исакова, Орг. у., Филиппа Свѣтлова, 1 пудъ 5 фунтовъ саля, вѣсь 1 пудъ 5 фунтовъ.
1108. Отъ свящ. с. Сесень, Оргѣев. у., П. Тучковскаго и прих., 600 яицъ, вѣсь 5 пудовъ 20 фунтовъ.
1109. Отъ свящ. с. Спасскаго, Ак у., А. Томачинскаго и прих., 16 полотенцевъ, 1 платокъ, 2 подушки, 1 коврикъ, вѣсь 1 пудъ.
1110. Апрѣля 1. Отъ свящ. с. Ст. Сараты, Бѣл. у., Н. Кобана и прих., 4 рубахи, 6 аршинъ полотна, вѣсь 10 фунтовъ.
1111. Отъ свящ. с. Борисовки, Изм. у., Н. Щефирды, и прих., 3 рубахи, 3 пары кальсонъ, 10 полотенцевъ, 9 паръ чулокъ, 10 платковъ, 7 паръ перчатокъ, вѣсь 1 пудъ.
1112. Отъ свящ. с. Правилы, Бѣл. у., П. Георгіянова и прих., 40 рубахъ, 40 паръ кальсонъ, 23 пары чулокъ, 19 паръ перчатокъ, вѣсь 3 пуда.
1113. Отъ свящ. с. Тартауль-де-Салчи, Изм. у., Іоанна Ерхана, 3 пары чулокъ, 14 мѣш. съ под., 3 напульснѣ, вѣсь 1 пудъ.
1114. Отъ свящ. с. Путинештъ, Сор. у., Іоанна Урекія и прих., 11 рубахъ, 14 паръ перчатокъ, 2300 штукъ паширосъ, вѣсь 1 пудъ.

1115. Отъ свящ. с. Мендыкъ, Сор. у.,
Георгія Спиная и прих., 6 рубахъ,
110 полотенцевъ, 31 аршинъ полот-
на, 1 пудъ 10 фунтовъ.
1116. Отъ свящ. с. Борисовки, Изм. у.,
Н. Шефирды и прих., 1 полотенце,
15 паръ чулокъ, 2 наволочки, 20
паръ перчатокъ, вѣсъ 1 пуд. 20 фун.
1117. Отъ свящ. с. Талмазъ, Ак. у., Фи-
липпа Маркоча, вѣсъ 1 пудъ 20 фун-
товъ.
1118. Отъ свящ. с. Пеленіи, Бѣл. у., Гри-
горія Иrimiцы и прих., 19 рубахъ,
1 пара кальсонъ, 2 полотенца, 14 паръ
чулокъ, 85 паръ перчатокъ, вѣсъ
4 пуда.
1119. Отъ свящ. с. Чоколтенъ, Орг. у.,
Елисея Ямбургскаго, 1347 яицъ, 20
фунтовъ сала, 8 мѣш. съ под., вѣсъ
5 пудовъ.
1120. Отъ свящ. с. Шишканъ, Киш. у.,
В. Терлепкаго и прих., 45 рубахъ,
31 пара кальсонъ, 9 полотенцевъ,
6 платковъ, вѣсъ 2 пуда 10 фунтовъ.
1121. Отъ свящ. с. Чутешть, Киш. у.,
Д. Страйстаря и прих., 18 рубахъ,
24 пары кальсонъ, 41 полотенце,
23 пары портянокъ, 1 платокъ, 1
простынь, 5 фунтовъ табаку, вѣсъ
2 пуда.
1122. Отъ свящ. с. Менжиръ, Киш. у.,
Костиновича и прих., 26 рубахъ,

- 8 паръ кальсонъ, 1 полотѣнце, 3 по-
лушубка, вѣсъ 1 пудъ 20 фунтовъ.
1123. Отъ свящ. с. Кондратешть, Бѣл. у.,
С. Кирсанова, 952 лица, вѣсъ 4 пуда.
1124. Отъ прот. с. Годжинешть, Орг. у.,
Юанна Мошана, 18 рубахъ, 17 паръ
кальсонъ, 3 фуфайки, 1 полотѣнце,
1 пара чулокъ, вѣсъ 1 пудъ.
1125. Отъ свящ. с. Сипотень, Киш. у.,
Мих. Гордузы и прих., 16 пудовъ
куличей, вѣсъ 16 пудовъ.
1126. Отъ свящ. с. Капаклирезешъ Изм.
у., П. Кайтаса, 8 рубахъ, 3 пары
кальсонъ, 9 полотѣнцевъ, 20 аршинъ
полотна, вѣсъ 25 фунтовъ.
1127. Отъ учащихся Рениской церковно-
приходской школы чрезъ діакона
І. Молявина, 14 полотѣнцевъ, 10 ар-
шинъ полотна, 8 платковъ, вѣсъ
20 фунтовъ.
1128. Отъ Тимофея Борисова, 1 пудъ сала
вѣсъ полпудъ.
1129. Отъ свящ. с. Балкоуць-Высшихъ,
Хот. у., Андрея Мунтяна, 17 рубахъ,
15 паръ кальсонъ, 1020 яицъ, вѣсъ
5 пудовъ.
1130. Отъ неизвѣстнаго, 9 рубахъ, 4 пары
кальсонъ, 150 аршинъ полотна, 10
пудовъ сала, 1000 орѣхъ.
1131. Отъ неизвѣстнаго, 40 рубахъ, 20 паръ
кальсонъ, 225 полотѣнцевъ, 50 ков-
риковъ.

1132. » Отъ неизвѣстнаго) 79 рубахъ, 79 парь кальсонъ, 78 полотенцевъ, 77 парь портянокъ.
1133. » Отъ неизвѣстнаго) 640 яицъ, вѣсъ 4 пуда 15 фунтовъ.
1134. » Отъ свящ. с. Стынжиненъ, Бѣл. у., Никиты Мустяцы, 23 рубахъ, 22 пары кальсонъ, вѣсъ 1 пуд. 5 фун.
1135. » Отъ свящ. с. Корнешть, Изм. у., Д. Солтанеско и прих., 33 рубахи, 5 парь кальсонъ, 18 полотенцевъ, 5 парь чулокъ, 4 пары перчатокъ, вѣсъ 1 пудъ 10 фунтовъ.
1136. » Отъ свящ. с. Гратешть, Киш. у., Георгія Абаджера, 450 яицъ, вѣсъ 2 пуда.
1137. » Отъ учительницы Менжирской школы Корнѣевой, 110 кис. съ под.
1138. Апрѣля 2. Отъ свящ. с. Башканъ, Орг. у., Василя Хареги и прих., 12 рубахъ, 12 парь кальсонъ, 4 долотенца, вѣсъ 30 фунтовъ.
1139. » Отъ свящ. с. Пуцунтей, Орг. у., Влад. Гонцы и прих., 200 яицъ, 2½ пуда суш. паски, вѣсъ 3 пуда 20 фунтовъ.
1140. » Отъ прихожанъ ц. с. Выпровой, Орг. уѣзда, 500 яицъ, 5 фун. сала, вѣсъ 2 пуда.
1141. » Отъ свящ. с. Миклеушенъ, Киш. у., А. Евстратіева, 1½ пуда суш. паски, вѣсъ 1 пудъ 20 фунтовъ.
-

1142. . . . . Апрѣля 3. Отъ причта и прихожанъ с. Гура-
Галбины, Бендер. у., 2 рубахи, 360
аршинъ полотна, вѣсъ 1 пуд. 20 фун.
1143. . . . . Отъ свящ. с. Кобылки, Орг. у.,
Никанора Рошки, 1266 яицъ, 23 пу-
да суш. паски, вѣсъ 28 пудовъ.
1144. . . . . Отъ свящ. с. Жолтай, Бенд. у.,
Л. Коляновскаго, 300 яицъ, вѣсъ
1 пудъ 20 фунтовъ.
1145. . . . . Отъ причта и прихожанъ с. Задуна-
вки, Аккер. у., 23 кис. съ под.,
вѣсъ 2 пуда 20 фунтовъ.

1915-й годъ.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Августа 23 и 30

Кишиневская Духовная Семинарія въ воспоминаніяхъ ея питомцевъ¹⁾.

Предлагаемая вниманію читателей работа задумана была мною еще два года тому назадъ и приурочивалась къ столѣтію Кишиневской духовной семинаріи (31 янв. 1813—31 янв. 1913 г.). Къ сожалѣнію, непредвидѣнныя обстоятельства надолго задержали задуманную работу. Я рассчитывалъ, что питомцы нашей семинаріи откликнутся дружно на мой призывъ подѣлиться своими воспоминаніями о семинаріи, но откликались они довольно неохотно и воспоминанія поступали очень медленно. Затѣмъ неожиданный для меня самого переводъ меня не въ Кишиневъ, куда я стремился и гдѣ работу свою я могъ закончить легко и скоро, а на Кавказъ заставилъ меня отложить начатую работу

¹⁾ Заглавіе статьи слишкомъ широкое. Оно не соответствуетъ содержанію статьи, такъ какъ въ ней приведены воспоминанія весьма незначительнаго количества воспитанниковъ семинаріи, не болѣе 17 человекъ, — считая въ томъ числѣ свящ. Вас. Козака (вып. 1871 г.), тайнаго совѣтника С. Д. Савицкаго — выдержки изъ его печат. брошюры — (ушедшаго, въ 1869 г., по окончаніи IV кл. сем., въ Новорос. Университетъ, товар. свящ. В. Козака) и, конечно, автора статьи, свящ. Н. Стойкова, какъ объединяющаго полученныя имъ «воспоминанія» и дѣлающаго, на основаніи ихъ, свои

до лѣта 1914 г., которое я разсчитывалъ провести въ Бессараби и здѣсь, на мѣстѣ, собрать еще недостающій матеріалъ. Разразившаяся затѣмъ война перевернула вверхъ дномъ весь нормальный ходъ жизни: обычныя и даже неотложныя темы сразу же были отодвинуты на задній планъ, ихъ замѣнили темы и вопросы, непосредственно связанные съ войной. Никому не стало дѣла до мирныхъ темъ, война стихійной силой захватила и мысль, и сердце. Но теперь, когда первое возбужденіе нѣсколько улеглось, когда о войнѣ сказано почти все, что можно было сказать, когда всѣ съ твердой вѣрой въ побѣду ждутъ спокойно конца ея, мнѣ думается можно вернуться къ оставленнымъ темамъ. Тѣмъ, болѣе, что вопросъ о реформѣ духовной школы, который совпалъ съ столѣтіемъ нашей семинаріи и войной былъ временно отодвинутъ, послѣ окончанія войны вновь станетъ на очередь еще съ большей остротой. Война открыла глаза на многое. Неминуемый пересмотръ послѣ войны многихъ вопросовъ русской жизни ускорить и разрѣшеніе вопроса о реформѣ духовной школы.

Поэтому, потерявъ свою злободневность, какъ тема юбилейная, работа моя сохраняетъ интересъ, какъ попытка прослѣдить столѣтнюю жизнь нашей духовной семинаріи по воспоминаніямъ ея питомцевъ и на примѣрѣ Кишиневской духовной семинаріи выяснить главные недостатки семинарскаго воспитанія и

выводы и заключенія (вып. 1897 г.),—принадлежащихъ съ ниже-поименованными воспитанниками,—каковы: протоіерей, К. (неизв. какого выпуска), Солярскій Алексѣй (вып. 1879 г.), Пламадяла Григ. (1876 г.), не окончившій курса семинаріи—Сѣверинъ (1889—1895 г.г.), необозначенные воспитанники: 1—1889 г., 2—1891 г., 1—1898 г., 1—1900 г., 1—1904 г., 1—1905 г., 1—1910 г. и 3—1897 г. (товарищи автора статьи),—всего лишь къ 13 или 14 курсамъ (всѣхъ курсовъ или выпусковъ за истекшее 100-лѣтіе семинаріи, съ 1813 по 1913 г., было 67, при чемъ съ 1903 г. (съ 59-го курса) выпускались окончив. курсъ воспитанники изъ

обученія; попытка разобратъся въ тѣхъ недочетахъ духовной школы, которые гонятъ ея питомцевъ въ свѣтскія учебныя заведенія и на службу въ другихъ вѣдомствахъ.

Подобныя выясненія недостатковъ нынѣшней постановки дѣла воспитанія и обученія въ духовной школѣ желательны, такъ какъ они могли бы помочь дѣятелямъ предстоящей реформы избѣгнуть ошибокъ и промаховъ своихъ предшественниковъ.

Произведенная мною анкета не оправдала моихъ ожиданій: откликнулись на мой призывъ далеко не всѣ; исчерпывающаго матеріала присланнаго воспоминанія не дали; пришлось использовать и воспоминанія, замѣтки, вскользь брошенныя по тому или иному поводу замѣчанія о семинарской жизни, напечатанныя въ разное время въ епархіальномъ органѣ, а также устные рассказы, воспоминанія, характеристики преподавателей, методовъ воспитанія и обученія и т. п.

Послѣдній матеріалъ во многихъ отношеніяхъ даже цѣннѣе перваго. Первый—воспоминанія, написанныя по особому, такъ сказать, заказу, предназначенныя къ печати, отличается нѣкоторою предвзятостью, тенденціозностью, даже помимо воли автора, часто незамѣтно для него. Второй—сообщенъ въ минуту откровенности, дружеской бесѣды, когда душа на распашку; это рассказы безъ оглядки, безъ предварительнаго обдумыванія и основнаго и парал. отдѣленій. что 67+10 составитъ 77 выпусковъ, а однихъ окончившихъ полный курсъ семинаріи, считая только съ 1866—1867 г. (а не съ 1813 г.), было 1777 человекъ); поэтому намъ кажется, что вѣрнѣе будетъ заглавіе статьи слѣдующее: «Воспоминанія о Кишиневской духовной семинаріи нѣкоторыхъ ея питомцевъ»... Можно-ли составить, хотя приблизительно—правильное, понятіе о Киш. д. семинаріи на основаніи добытыхъ авторомъ воспоминаній воспитанниковъ не только за 100-лѣтіе, но даже за половину его (съ 1866—1867 г.), и сдѣлать такіе выводы, какіе сдѣлалъ, какъ увидимъ въ концѣ статьи, авторъ,—предоставляемъ судить читателямъ.

Цензоръ.

дѣлки, какъ это дѣлается для печати и широкой публики; это рассказы о прошломъ такъ, какъ оно сохранилось въ памяти, въ томъ хаотическомъ безпорядкѣ, въ какомъ впечатлѣнія складывались въ свое время. И въ этомъ его сугубая цѣнность.

И если надъ первымъ часто приходится долго задумываться, чтобы сквозь тщательной и старательной рукой наложенныя бѣлила и румяна или толщу сплошной черной краски разглядѣть подлинное лицо семинаріи, то наготу второго только иногда приходится слегка затушевывать, чтобы не черезчуръ отъ нея коробило, чтобы не приняли ее за шаржъ и карикатуру въ ту или другую сторону.

Правда, для посторонняго читателя, незнакомаго съ нашимъ бытомъ и семинарской жизнью, второй матеріалъ и выводы изъ него будутъ, пожалуй, не такъ убѣдительны, какъ неимѣющіе документальныхъ подтвержденій; но для духовенства, которому собственно и посвящается этотъ очеркъ и которое само прошло духовную школу, и отъ дѣдовъ, отцовъ и дѣтей своихъ знаетъ о ней достаточно, они будутъ имѣть такую же доказательную силу и убѣдительность, какъ и первые, даже больше.

Полученныя мною воспоминанія отъ (нѣкоторыхъ) питомцевъ нашей семинаріи можно раздѣлить на три разряда. Первый— это воспоминанія, окрашенныя въ сплошной розовый цвѣтъ; семинарская жизнь, обученіе и воспитаніе въ семинаріи рисуются въ нихъ въ видѣ идилліи. Время, очевидно, сгладило въ памяти этихъ питомцевъ всѣ недостатки семинаріи, умиротворило ихъ душу, уничтожило чувство непріязни, горечи, которое, внѣ всякаго сомнѣнія, не разъ посѣщало ихъ въ теченіе семинарской жизни. Тутъ дѣйствовалъ извѣстный психологическій законъ, въ силу котораго прошлое кажется намъ лучше настоящаго; старики хвалятъ свое время и хулятъ настоящее.

Къ этому разряду прежде всего нужно отнести тѣхъ, у которыхъ по счастливой случайности со школой не связано никакихъ, особенно, тяжелыхъ воспоминаній; затѣмъ тѣхъ, у кого вообще впечатлѣнія бытія не оставляютъ въ душѣ глубокаго

слѣда; далѣе тѣхъ, у кого по окончаніи семинаріи жизнь сложилась настолько удачно, счастливо, что въ переполненной счастьемъ и довольствомъ душѣ нѣтъ мѣста для горькихъ и тяжелыхъ чувствъ и воспоминаній, будь то даже воспоминанія о дѣйствительно мрачномъ прошломъ. Наконецъ сюда же можно было отнести и тѣхъ, кто въ своихъ воспоминаніяхъ намѣренно²⁾ употреблялъ только ярко свѣтлыя краски; но думаю, что подавляющее большинство воспоминаній писано искренно и, кромѣ невольныхъ прикрасъ, о которыхъ я выше упоминалъ, авторы воспоминаній не допускали намѣреннаго уклоненія отъ истины, — поэтому послѣднюю категорію лицъ въ расчетъ принимать не буду.

Ко второму разряду относятся воспоминанія, въ которыхъ авторы питаютъ къ своей alma mater совершенно противоположныя чувства, чувства раздраженія, даже ненависти, и глубоко сожальютъ о напрасно потраченныхъ въ стѣнахъ семинаріи лучшихъ годахъ своей жизни. Остроту и интенсивность этихъ чувствъ не могло смягчить и ослабить даже всеисцѣляющее, все сглаживающее время.

---

²⁾ На какомъ основаніи авторъ думаетъ, что эти сообщители *намѣренно* употребляли только ярко свѣтлыя краски?.. Если такіе не сознавались автору въ своей неискренности (въ чемъ сомнѣнія быть не можетъ), то зачѣмъ онъ оскорбляетъ своихъ сокашниковъ, упрекая ихъ въ намѣренной лжи, — въ томъ, на подтвержденіе чего онъ не имѣетъ данныхъ?.. Непонятно также здѣсь, что авторъ разумѣетъ подъ «*послѣдней категоріей*» лицъ, которую онъ въ расчетъ принимать не будетъ?.. Но какъ бы то ни было, а выходитъ, что авторъ будетъ въ своей статьѣ «принимать въ расчетъ» только тѣ воспоминанія своихъ сокашниковъ, которыя будутъ подходить подъ его идею, которыя понравятся ему... Справедливо-ли это будетъ со стороны автора, желающаго быть объективнымъ?..

Цензоръ.

Сюда нужно отнести всѣхъ тѣхъ неудачниковъ, которые или сами были виноваты въ томъ, что школа явилась для нихъ не матерью, а мачехой, или же несчастное стеченіе внѣшнихъ обстоятельствъ испортило имъ жизнь и вызвало суровое отношеніе къ нимъ школы³⁾. Эти, какъ дитя бьетъ камень, о который споткнулось, бичуютъ школу и ея руководителей за тѣ тяжелыя минуты, которыя имъ приходилось переживать въ школѣ. Сюда же нужно отнести и тѣхъ, у которыхъ не было никакого призванія къ пастырству, для которыхъ духовная школа, духовное воспитаніе были насиліемъ, и, какъ всякое насиліе, могли оставить только тяжелое, мрачное воспоминаніе о семинаріи. Если по окончаніи курса они ушли изъ духовнаго вѣдомства, то чувства эти могли еще исчезнуть или нѣсколько смягчиться; но если, несмотря на все свое нерасположеніе къ пастырству, имѣли неосторожность по какимъ либо соображеніямъ, или силою обстоятельствъ были вынуждены надѣть рясу, то чувства горечи, ненависти къ школѣ съ годами не только не ослабѣтъ, а, напротивъ, усилятся, окрѣпнутъ.

Къ этому же разряду относятся и лица, въ душѣ которыхъ всякое переживаніе оставляетъ глубокіе слѣды. Свѣтлыя явленія

---

3) Развѣ школа могла имѣть какое-либо отношеніе, а тѣмъ болѣе суровое—къ этимъ неудачникамъ; выраженіе непонятное. Авторъ, думаемъ, хотѣлъ сказать, что этимъ неудачникамъ испортило жизнь (по выходѣ ихъ, разумѣется, изъ школы) несчастное стеченіе обстоятельствъ, каковое и вызвало суровое отношеніе ихъ къ школѣ (т. е. такія лица прислали воспоминанія неодобрительныя, а осуждающія семинарію), а не къ *нимъ школы*. Наше предположеніе подтверждается и контекстомъ рѣчи, дальнѣйшими словами, гдѣ говорится, что такіе, «какъ дитя бьетъ камень, о который споткнулось, бичуютъ школу и ея руководителей за тѣ тяжелыя минуты, которыя имъ приходилось переживать въ школѣ».

образуютъ у нихъ въ душѣ какой-то неизсякаемый источникъ радости, благодушія, изъ котораго потомъ питаются всѣ дальнѣйшія переживанія; вся послѣдующая жизнь такихъ людей освѣщается постояннымъ тихимъ, ровнымъ свѣтомъ. И, наоборотъ, мрачныя впечатлѣнія дѣтскихъ и юношескихъ лѣтъ оставляютъ у нихъ на всю жизнь кровоточащія раны, малѣйшее прикосновеніе къ которымъ, даже спустя много лѣтъ, неизмѣнно мучительно отзывается въ душѣ.

Наконецъ третій разрядъ воспоминаній—это воспоминанія болѣе или менѣе объективныя; воспоминанія, въ которыхъ авторы пытались критически разобраться въ тѣхъ чувствахъ и впечатлѣніяхъ, которыя оставила въ ихъ душѣ семинарія.

Прежде чѣмъ приступить къ выводамъ, я привожу часть, наиболѣе характерную, изъ присланныхъ мнѣ воспоминаній всѣхъ трехъ видовъ. Нѣкоторыя воспоминанія привожу цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій, другія въ отрывкахъ, наиболѣе существенныхъ и, наконецъ, изъ третьихъ ограничиваюсь только тѣми мѣстами, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ дѣлу.

Воспоминанія привожу въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ 60-хъ годовъ. Дореформенная бурса (до 1867 г.) слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ по очеркамъ Помяловскаго и его послѣдователей. Помяловскій далъ полную, почти исчерпывающую картину духовной дореформенной школы.

Кишиневская семинарія мало чѣмъ отличалась отъ семинарій остальной Россіи этого періода, поэтому останавливаться на немъ особенно долго не приходится.

Самыя раннія, изъ присланныхъ мнѣ воспоминаній, касаются конца дореформенной бурсы и начала новой. Сюда относятся воспоминанія священника В. Козака, изданныя отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «Audiatur et altera pars», и воспоминанія д-ра медицины г. Савицкаго (Еп. Вѣд. 1912 г. №№ 39 и 43), по поводу которыхъ и написана брошюрка о. Козака.

Въ воспоминаніяхъ обоихъ авторовъ приводится очень характерный для тогдашней постановки въ семинаріи воспитанія эпизодъ съ жалобой учениковъ 3 класса семинаріи на инспекто-

ра, поданной ревизору духовно-учебныхъ заведеній, г. Керскому. Инспекторъ обругалъ весь 3-й классъ (по увѣренію г. Савицкаго) или одного ученика въ присутствіи всего класса (по увѣренію о. В. Козака) «нецензурными словечками, напоминающими статскаго советника». Причемъ, очевидно, такія «словечки» и разговоры были обычнымъ дѣломъ, излюбленнымъ воспитательнымъ приемомъ семинарскихъ педагоговъ, такъ какъ, по увѣренію о. Козака, они «никакого негодованія со стороны учениковъ на инспектора не вызвали, а равно и никакого поползновенія или броженія жаловаться на него ревизору не высказывалось въ тотъ день». И если все же въ результатѣ была написана учениками жалоба, то это было, поясняетъ о. В. Козакъ, чисто случайное явленіе, желаніе ученика Савицкаго свести личные счеты съ инспекторомъ. Классъ подъ давленіемъ Савицкаго подписалъ жалобу, а потомъ отказался отъ солидарности съ Савицкимъ, объяснивъ начальству подкладку всего этого дѣла.

Изъ этихъ же воспоминаній видно, что хотя въ данное время и существовалъ въ семинаріи суровый режимъ, но онъ примѣнялся не ко всѣмъ воспитанникамъ одинаково. Дѣти лицъ, занимавшихъ болѣе или менѣе видныя должности, пользовались широкой свободой; на ихъ нарушенія семинарской дисциплины смотрѣли сквозь пальцы. Такъ тотъ же ученикъ Савицкій, какъ сынъ виднаго и вліятельнаго протоіерея, нерѣдко пропускалъ классные уроки или опаздывалъ на нихъ. «Предоставленный самому себѣ, пишетъ Савицкій, и пользуясь отсутствіемъ всякаго надзора, я увлекался водянымъ спортомъ и, вмѣсто того, чтобы явиться въ училище на экзамены, преспокойно отправлялся на Днѣстръ, гдѣ и проводилъ положенные часы въ изученіи всевозможныхъ способовъ плаванія». И не только никакихъ суровыхъ, въ духъ того времени, но даже обычныхъ мѣръ пресѣченія подобныхъ нарушеній самыхъ элементарныхъ школьныхъ правилъ по отношенію къ Савицкому не предпринималось. Напротивъ, «Инспекторъ, пишетъ о. Козакъ, относился къ нему, какъ сыну почтеннаго протоіерея, очень предупредительно и хотя для соблюденія формы дѣлалъ ему иногда замѣчанія и внушенія, но въ

вѣжливо деликатной формѣ, или же писалъ отцу его любезныя частныя письма о поведеніи сына».

Такое рѣзко неравное отношеніе администраціи и педагоговъ къ проступкамъ воспитанниковъ не могло, конечно, не вліять развращающе на нихъ, приучая ихъ къ несправедливости, мести, угодничеству, заискиванію предъ сильными и пр. ⁴⁾.

Не менѣе характерно и любопытно и отношеніе ревизора г. Керскаго къ жалобѣ учениковъ. Разборъ жалобы онъ поручаетъ тому лицу, на которое жалуются (инспектору). Послѣ разбора жалобы, онъ произноситъ такой приговоръ: «Жалобщиковъ слѣдуетъ высѣчь, какъ мальчугановъ, но такъ какъ теперь сѣченіе семинаристовъ не въ модѣ, то надо исключить

---

⁴⁾ Просимъ автора прочитать рассказъ г. Савицкаго о водяномъ его спортѣ внимательнѣе... По объясненію Вашему, о. Н. Стойковъ, выходитъ, что Кишиневъ и Кишиневская д. семинарія находятся при Днѣстрѣ, къ которому г. Савицкій, пользуясь отсутствіемъ всякаго надзора, преспокойно отправлялся и проводилъ часы (урочные, или назначенные для экзамена) въ изученіи всевозможныхъ способовъ плаванія. Вѣдь, это, о. Николай, было не въ Кишиневѣ и не въ Кишиневской д. семинаріи, даже не въ Кишиневскомъ дух. училищѣ, а въ г. Хотинѣ и въ тамошнемъ городскомъ, свѣтскомъ, училищѣ... Непостижимо, поэтому, какимъ образомъ инспекторъ семинаріи прот. Г. И. Галинъ и вообще администрація и педагоги Киш. семинаріи должны отвѣчать за нарушение семинарской дисциплины ученикомъ С. Савицкимъ, учившимся не въ семинаріи, а въ Хотинскомъ городскомъ, свѣтскомъ училищѣ... Что же касается пропуска уроковъ Савицкимъ въ Киш. семинаріи, то объ этомъ говоритъ только одинъ о. В. Козакъ, показаніе котораго можетъ подлежать и сомнѣнію, какъ и многое другое, изложенное въ его брошюрѣ, о чемъ свидѣтельствуется дѣло, имѣющееся въ Кишиневской Духовной Консисторіи.

Цензоръ.

подписавшихъ жалобу подъ номерами первымъ, пятымъ, десятымъ и т. д.»⁵⁾.

И только заступничество семинарскаго правленія спасло злополучныхъ учениковъ отъ несправедливаго и суроваго наказанія. Наказаны были только вожаки, «они понижены были въ разрядномъ спискѣ (тоже своеобразное наказаніе!) и получили по поведенію 3. Какъ повліялъ результатъ жалобы на другихъ учениковъ, неизвѣстно, но Савицкій послѣ этого событія изъ отважнаго, неустрашимаго и храбраго нарушителя и изобличителя семинарскихъ порядковъ и дисциплины превратился въ робкаго бурсачка, аккуратнаго исполнителя семинарской дисциплины», сообщаетъ о. Козакъ и видитъ въ этомъ благодѣтельный результатъ мудрой воспитательной системы какъ г. ревизора, такъ и семинарской корпораціи. Но эта мудрая система воспитанія такъ сильно повліяла на Савицкаго, что чувство обиды, горечь несправедливости остались на всю жизнь и 70-лѣтній нынѣ старецъ*) не можетъ безъ остраго негодованія

---

⁵⁾ Авторъ взводитъ напраслину на г. Керскаго. Последній былъ умнымъ и опытнымъ ревизоромъ — педагогомъ и чиновникомъ, твердо знавшимъ требованія закона. Онъ потребовалъ только отъ инспектора Г. Галина «письменный отзывъ по содержанію жалобы, а, жалобу и отзывъ сдать на разсмотрѣніе семинарскаго Правленія (см. брош. Козака, страц. 7—8)», которое и рассматривало это дѣло; въ составѣ Правленія былъ и я, и знаю это дѣло лучше, чѣмъ о. Козакъ... Жалоба учениковъ и объясненіе о. Галина рассматривалось въ началѣ каникулъ лѣтнихъ, по выѣздѣ изъ Кишинева ревизора (см. брош. г. Савицкаго страц. 33). Слѣдовательно, о. Козакъ о приговорѣ ревизора говоритъ несправедливо и такого несуразнаго приговора ревизоръ произнести не могъ. И если г. Савицкій говоритъ, что «производство дознанія взялъ на себя о. Галинъ», то это было уже личное дѣло

*) 65 л. (род. въ 1850 г.)

вспомнить этотъ эпизодъ своей семинарской жизни. Да и трудно не возмущаться такимъ дѣйствительно оригинальнымъ воспитаніемъ: въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ систематически развращаютъ, очевидно, богато одареннаго мальчика погустительствомъ и потворствомъ его дурнымъ, наклонностямъ, а когда избалованный такимъ потворствомъ и непривыкшій къ грубому обращенію мальчишка отвѣчаетъ на «нецензурныя словечки» инспектора жалобой, его предлагаютъ удалить изъ семинаріи ⁶⁾».

Къ счастью для него, у него хватаетъ силы воли смириться, что даетъ ему возможность не безъ содѣйствія, конечно, и вліятельнаго отца остаться въ семинаріи еще на годъ и закончить четыре класса семинаріи, которые давали тогда право поступить въ университетъ. А сколько было такихъ, которыхъ подобные случаи губили навсегда, такъ какъ не было на лицо ни твердой воли, ни вліятельныхъ отцовъ! Существованіе въ тогдашней семинаріи чрезмѣрно строгаго, суроваго режима не отрицаетъ, впрочемъ, и о. Козакъ, но онъ оправдываетъ его тѣмъ, что «такой режимъ практиковался по требованію высшей правящей церковной власти во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ».

самого о. Галина, какъ инспектора, пожелавшаго, кромѣ своего отзыва, представить Правленію и нѣкоторыя данныя своего инспекторскаго разслѣдованія дѣла. Обвиненіе, значить, авторомъ администраціи и педагоговъ, высказанное предъ симъ, падаетъ само—собой, и тѣмъ болѣе, что члены педагогич. совѣта съ ректоромъ во главѣ оказались людьми гуманными, за что г. Савицкій и благодарить ихъ.

Цензоръ.

⁶⁾ Весь періодъ, со словъ: «Да и трудно не возмущаться... его предлагаютъ удалить изъ семинаріи» оказывается безъ фундамента, п. ч. ни въ училищѣ Киш. духовномъ, ни въ Киш. семинаріи ученика Савицкаго никто не развращалъ, и исключить домогался только инспекторъ Галинъ, и наказанъ онъ гуманно, при чемъ самъ о. Галинъ получилъ хорошій урокъ для будущей дѣятельности своей.

Цензоръ.

Къ этому же времени относится и воспоминаніе протоіерея К. ⁷⁾. Привожу его цѣликомъ, такъ какъ въ немъ описываются порядки не только въ семинаріи, но и въ духовномъ училищѣ.

«Мнѣ было 8 лѣтъ. Я беззаботно бѣгалъ по улицамъ роднаго села и игралъ въ лошадки съ деревенскими мальчишками, своими сверстниками. Когда отецъ позвалъ меня, снялъ у меня съ головы уздечку и торжественно объявилъ, что меня отвезутъ въ Кишиневъ на экзамень, такъ какъ мнѣ пора уже учиться. Подготовки особенной для поступленія въ духовное училище не требовалось, достаточно было знанія церковно-славянской азбуки, поэтому такой непосредственный переходъ отъ игры въ лошадки къ экзамену не долженъ удивлять.

Вмѣстѣ со мной на одной подводѣ поѣхало въ Кишиневъ на экзамень еще нѣскольکو человекъ, дѣтей сосѣднихъ священниковъ и псаломщиковъ, которые поручили дѣтей моему отцу, какъ болѣе бывалому и опытному въ обращеніи съ начальствомъ.

Больше пѣшкомъ, чѣмъ на повозкѣ, совершили мы свой 150 верстный путь въ Кишиневъ. Гостиницъ въ Кишиневѣ въ

---

⁷⁾ Въ воспоминаніяхъ протоіерея, скрывшаго свою фамилію подъ инициаломъ *К.*, котораго авторъ статьи приурочиваетъ ко времени пребыванія В. Козака и С. Савицкаго въ 3-мъ классѣ Кишиневской семинаріи, т. е., къ 1867—68 году, когда смотрителемъ Кишиневскаго духовнаго училища былъ достопочтенный Е. Г., описываются главнымъ образомъ безобразія въ училищѣ. Я поступилъ на должность преподавателя въ Кишиневскую духовную семинарію въ январѣ 1864 г., жилъ почти два года въ казенной квартирѣ, въ семинарскомъ дворѣ, въ которомъ помещалось въ то время и духовное училище, бывалъ на экзаменахъ въ училищѣ, по назначенію начальства; но о такихъ мерзостяхъ, о какихъ повѣствуетъ о. прот. К., я не слыхалъ, не только въ средѣ семинаристовъ, но и въ средѣ учениковъ училища... Что не только ученики училища, но и семинаристы голодали

то время не было, остановились поэтому на постояломъ дворѣ. Это былъ простой кабакъ съ нѣсколькими комнатами для прїѣзжихъ.

Оставивъ насъ здѣсь, отецъ пошелъ наводить нужныя справки относительно времени прїемныхъ экзаменовъ. Къ обѣду онъ вернулся и объявилъ намъ, что въ 4 часа вечера пойдемъ къ смотрителю училища на экзамень, причемъ строго-на-строго наказалъ вести себя почтительно и отвѣсить смотрителю поясной поклонъ.

Смотритель насъ принялъ въ небольшой комнатѣ, служившей ему, вѣроятно, спальней, такъ какъ здѣсь кромѣ стола и нѣсколькихъ стульевъ стояла кровать. Со страху мы переусердствовали и вмѣсто поясного отвѣсили смотрителю земной поклонъ, чѣмъ онъ не только не смутился, но былъ прїятно пораженъ.

Спрашивалъ ли насъ смотритель о чемъ нибудь, — не помню, но хорошо мнѣ памятенъ жестъ отца, который, улучивъ минуту, когда смотритель смотрѣлъ въ другую сторону, быстро

и учились и жили въ холодѣ, этому удивляться не слѣдуетъ, п. ч. тогда на полнокоштнаго ученика (на пищу и одежду) по штату полагалось въ годъ 34 р. 28 к., на содержаніе ученика училища полагалось 22 р. 84 к., а на содержаніе только пищей — 11 р. 42 к. въ годъ: но чтобы ученики — бурсаки отправлялись по субботамъ на кладбище и тамъ наряду съ нищими ожидали поминальной подачки и т. п., объ этомъ я не слыхалъ. Ученики училища болѣли и чесоткой и были субъекты съ достаточнымъ количествомъ паразитовъ, что за недостаткомъ въ училищахъ бань и порядочныхъ умываленъ явленіе совершенно возможное, но о способѣ леченія отъ паразитовъ, воспоминаемомъ о. прот. К., я тоже не слыхалъ, при чемъ семинаристы, какъ державшіе себя чисто-плотнѣе, чѣмъ ученики училища, были свободны отъ этихъ гадостей. Объ одномъ только воспитанникѣ семинаріи знаю,

всунуль подъ подушку пять рублей серебромъ, по рублю за каждаго ученика.

Таковъ былъ порядокъ. Этимъ и закончился нашъ экзамень.

Принять я былъ въ первый классъ, который помѣщался въ семинарской столовой, въ нижнемъ этажѣ стараго семинарскаго зданія. Классъ былъ переполненъ учащимися разныхъ возрастовъ и познаній. Первое, что поразило меня въ классѣ это неимовѣрное количество паразитовъ, которые свободно ползали по спинѣ, воротнику и головѣ моего сосѣда по партѣ, не вызывая ни въ комъ удивленія.

Какъ мы учились, какъ переходили изъ класса въ классъ— не помню, но хорошо помню, что учили насъ немногому. Во второмъ, на примѣръ, классѣ по латинскому языку цѣлыхъ два года учили одно только правило произношенія буквы «С», и больше ничего*).

что онъ просто щеголялъ нечистоплотностію и послѣдствіями ея: онъ по мѣсяцамъ не перемѣнялъ бѣлья... Приходилось самому ректору съ сем. фельдшеромъ заставлятъ этого ученика отъ времени до времени стричься, въ ваннѣ (въ больницѣ) мыться и наблюдать за болѣе частой перемѣной имъ бѣлья. Относительно изученія въ теченіе 2 лѣтъ во 2-мъ кл. училища одного только правила произношенія буквы «С»: и больше ничего, и сообщеніе о томъ, что прот. К. изъ всѣхъ наукъ семинарскихъ усвоилъ себѣ за 6-лѣтнее обученіе въ семинаріи изъ русской исторіи только около 6 строкъ разсказа о Гришкѣ Отрепьевѣ, при чемъ по церковной исторіи зналъ отвѣтъ на такой вопросъ, на который при какомъ-то ревизорѣ никто не могъ отвѣтить изъ учениковъ и даже пре-

---

*) Ничего въ этомъ не будетъ удивительнаго, если припомнить подсчетъ Помяловскаго, по которому при нормальномъ распредѣленіи учебнаго матеріала приходилось на лекцію¹⁾ въ семинаріи 6 строкъ, на 1 часъ—4 строки. Такъ скудна была тогдашняя программа. **Авторъ ст.**

¹⁾ По какому предмету?..

Преподавалъ латинскій языкъ В. П., у котораго были уроки и въ женской гимназiи. Послѣднимъ онъ и отдавалъ почти все свое время, не обращая на уроки въ семинаріи никакого вниманія, за что скоро былъ смѣщенъ. Другіе преподаватели были не лучше.

Изъ другихъ нзукъ семинарскихъ помню только небольшой отрывокъ изъ русской исторіи, по учебнику Устрялова: «Въ шестой годъ Борисова царствованія въ Литвѣ явился чело-вѣкъ, ума быстрого, мечтательнаго, души безпредѣльно дерзкой, готовый на всякое отчаянное предпріятіе, именующій себя сыномъ Іоанна Грознаго—Димитріемъ, спасшимся въ Угличѣ. То былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря Гришка Отрепьевъ»... Вотъ все, что осталось у меня отъ русской исторіи:

Изъ церковной исторіи я запомнилъ только, что древніе христіане приобщались, принимая изъ рукъ священника частицу Св. Тѣла, какъ теперь это принято у католиковъ. Да и то свѣ-

подаватель (это то, значитъ, Ал. Андр. Смирновъ или предшественникъ его І. Прок. Сикачинскій—оба знатски церк. исторіи, славившіеся большимъ запасомъ свѣдѣній по этому и по другимъ нѣкоторымъ предметамъ)—то предоставляемъ читателямъ рѣшить—кто въ данномъ случаѣ виновенъ... И, удивительно, авторъ статьи соглашается съ сообщеніями о. прот. К., подобно тому, какъ, на основаніи разсказа о. прот. К. о томъ, что «отецъ его, улучивъ минуту, когда смотритель смотрѣлъ въ другую сторону, быстро всунулъ подъ подушку 5 руб. серебромъ, по рублю за cadaго изъ насъ пятерыхъ, приведенныхъ отцемъ на экзамень,—призналъ существованіе въ училищѣ взяточничества на глазахъ дѣтей. Кто бы тогда ни былъ смотрителемъ, но, скажите, положи руку на сердце, кто тутъ виноватъ: смотритель ли, не видѣвшій и не знавшій, что его хотятъ изобразить берущимъ взятки, или тотъ, кто положилъ взятку? и можно ли, на основаніи этого единичнаго случая (больше никто объ этомъ не говоритъ), за-

дѣнія эти я почерпнулъ изъ какого то посторонняго источника. Во время какой то ревизіи этотъ вопросъ задалъ въ нашемъ классѣ ревизоръ и никто изъ учениковъ и даже самъ преподаватель не могъ отвѣтить на него; тогда я рискнулъ обнаружить свое случайное знаніе, чѣмъ очень удивилъ ревизора и смутилъ преподавателя.

Кишиневъ въ мое время представлялъ собою большое село. Жилъ я съ нѣсколькими товарищами гдѣ-то на Кузнечной улицѣ, платя за комнату 3 р. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ. Кормили насъ очень скверно и недостаточно. И сейчасъ помню, какими жадными глазами мы осматривали всѣ булочныя по дорогѣ въ семинарію и обратно, ѣсть хотѣлось до спазмъ въ желудкѣ. Одежда на насъ была плохая, большей частью рванная, что давало себя сильно чувствовать, особенно зимою. Этимъ пользовались казеннокоштные воспитанники для коммерческихъ цѣлей: они нагрѣвали въ печкахъ кирпичи, завертывали ихъ въ тряпки и давали озябшимъ подержать въ рукахъ горячій кирпичъ за извѣстную плату (деньгами, хлѣбомъ, пуговицами и т. п.).

ключать, что въ училищѣ было «взятничество на глазахъ дѣтей?» На основаніи словъ о. прот. К. «Таковъ былъ порядокъ» выводить вышеупомянутое заключеніе нельзя. Тутъ калѣчилъ дѣтей отецъ протоіерея К., и вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшилъ противъ невиннаго зрителя, дѣлая его, при его невѣдѣніи и безъ его малѣйшаго участія, взяточникомъ на глазахъ дѣтей, еще не испорченныхъ. При эгомъ мы не можемъ не высказать удивленія, почему авторъ статьи не обратилъ вниманія на воспоминанія, напечатанныя въ VI вып. «Трудовъ Бес. Ц. Ист.-Арх. Общества» (Киш. Еп. Вѣдом. №№ 10 и 11 за 1911 г.), а равно и на другія воспоминанія г. Савицкаго (кромѣ воспом. о Г. Галинѣ). Воспоминанія эти очень объективны, а воспоминанія І. М. П. и документальны: въ нихъ указываются и причины и голода и холода и т. п.

Цензоръ.

Классы почти не отапливались и приходилось на уроках сидеть въ пальто и шапкахъ. Даже воды подь руками не было; пить можно было только на перемѣнахъ у семинарскаго колодца, по очереди. Но такъ какъ желающихъ было всегда очень много, и дождаться своей очереди въ теченіе короткой перемѣны не всегда можно было, то нѣкоторые изъ болѣе предприимчивыхъ учениковъ заранѣе запасались водой въ бутылкахъ и продавали неуспѣвшимъ дождаться своей очереди, опять таки за хлѣбъ, деньги и пр. Нѣкоторые пошли еще дальше въ этомъ направленіи; подслащали воду сахаромъ и брали за такую воду дороже. Воду продавали на глотки, причемъ покупатель старался выпить лишній глотокъ, а продавецъ пытался урвать глотокъ въ свою пользу; и часто на этой почвѣ происходили ссоры и драки.

Благодаря грязи и нечистоплотности, чесотка въ семинаріи не переводилась. Лечили отъ нея довольно оригинальнымъ способомъ: раздѣвали больныхъ до нага, мазали дегтемъ и выставляли на солнце. Еще оригинальнѣе было средство отъ паразитовъ (вшей). Лечилъ ректорскій кучерь. Онъ за плату, а большей частью изъ состраданія къ намъ, позволялъ снимать съ себя одежду, полную вшей, и покрывать ею потныхъ (послѣ поѣздокъ) ректорскихъ лошадей; вши выползали изъ одежды и оставались на лошадяхъ.

Кормили живущихъ въ пансіонѣ учениковъ впроголодь; хлѣбъ давали ржаной; выпекали его гдѣ-то на окраинѣ города и въ семинарію приносили его продѣтымъ на палку (хлѣбы были необыкновенной величины). Хлѣбъ разрѣзали по порціи и складывали въ особомъ шкафу, который запирался до обѣда на замокъ. Но голодные бурсаки ухитрялись изъ запертаго шкафа какимъ то образомъ доставать черезъ щели куски хлѣба (!) и тутъ же съ жадностью пожирали. Въ хлѣбъ часто (!) попадались тряпки, веревки, куски сальныхъ свѣчей, черви, и т. п. безплатныя приложенія.

Иногда къ обѣду вмѣсто хлѣба давали мамалыгу, которую приготавливали въ семинарской кухнѣ. Котель съ мамалыгой изъ

кухни въ столовую переносили съ особенной предосторожностью, такъ какъ во время этого переноса на котель съ мамалыгой дѣлались нападенія со стороны голодныхъ учениковъ, которые, обжигая пальцы, выхватывали изъ котла куски мамалыги. Котель поэтому всегда конвоировали служителя, вооруженные палками, которыми отбивали нападенія учениковъ. Но, несмотря и на такія предосторожности, нападенія иногда удавались. Нападающіе дѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна мужественно принимала на свои спины удары палокъ, а другая въ это время уносила горячіе куски мамалыги.

Такія же нападенія дѣлались и на кухню во время дѣленія тамъ мяса на порціи. Тутъ уже въ качествѣ оружія употреблялось все, что подъ руки попадало, и чаще всего мѣшки съ остатками въ нихъ бураковъ и картошки. Когда нападающіе начинали одолѣвать, служителя пускали въ ходъ послѣднее средство—кричали: «ректоръ идетъ!» Это всегда обращало бурсаковъ въ бѣгство. У служителей, впрочемъ, были свои любимчики среди учениковъ, которымъ они давали обглаживать кости отъ варенаго мяса. Этой привилегіи многіе добивались, но получали только избранные.

О такомъ систематическомъ голоданіи учениковъ знали всѣ, поэтому въ семинарію, какъ въ тюрьму, часто приходили сердобольныя дамы и раздавали милостыню, хлѣбомъ, пирогами и проч. Причемъ иногда изголодавшіеся бурсаки набрасывались на принесенное съ такою стремительностью, что сбивали съ ногъ благотворительницъ, разбивали посуду. Перепуганныя благотворительницы спасались бѣгствомъ, проклиная свою благотворительность (!). По субботамъ бурсаки отправлялись на городское кладбище, и тутъ на ряду съ нищими ожидали поминальной подачки (!).

Учителя были не лучше учениковъ. Кромѣ упомянутыхъ взятокъ, манкированія уроками, многіе изъ нихъ страдали ярко выраженнымъ алкоголизмомъ. Бранились въ классѣ самыми отборными словами. Изъ преподавателей съ благодарностью вспо-

минаю К. С. Соловьева, человекъ гуманнаго, благодушнаго *). Его сестра вышла замужъ за другого преподавателя, Е. Гепецкаго, и имѣла на него благотворное вліяніе. Строгий до безчеловѣчности до женитьбы, онъ послѣ женитьбы сталъ прекраснымъ священникомъ, благожелательнымъ учителемъ, и своимъ благоговѣйнымъ истовымъ служеніемъ производилъ на насъ, готовящихся къ священству, неизгладимое впечатлѣніе».

Въ этомъ воспоминаніи на лицо всѣ черты помяловской бурсы: жестокая порка учениковъ, холодъ, голодъ, ученіе «чему-нибудь и какъ-нибудь», пьяные учителя, взяточничество на глазахъ дѣтей (!).

Эту неприглядную картину постановки обученія и воспитанія въ тогдашней семинаріи дополняетъ воспоминаніе А. М. Пархомовича объ инспекторѣ семинаріи Г. И. Галинѣ (съ 1862—1878 г.). Въ это время, говоритъ въ этомъ воспоминаніи А. М., преподаватели мало обращали вниманія на то, усвоится ли и насколько усвоится излагаемый ими урокъ, а отъ учениковъ все же требовали отвѣтовъ обстоятельныхъ, точныхъ; поэтому ученикамъ нужно было заучивать лекціи почти что дословно. Такой методъ ученія не много вліялъ на умственное развитіе учениковъ, но все же что-нибудь да оставалось въ головѣ ученика (опять «чему-нибудь и какъ-нибудь»), а главное приучало учениковъ къ труду **). Это, объ ученіи.

Не лучше было и воспитаніе. У нѣкоторыхъ прежнихъ профессоровъ семинаріи, пишетъ далѣе Ан. Мих., существовало убѣжденіе, что для того, чтобы показать разницу между учениками и профессоромъ, при первомъ знакомствѣ послѣдняго съ первыми, нужно одну или двѣ лекціи произнести такія, чтобы онѣ (какъ глубокомысленныя) стались для учениковъ непонятными, т. е. пустить, какъ говорится, пыль въ глаза. Такимъ манеромъ хотѣли профессора добиться авторитета среди учениковъ своихъ классовъ... Нѣкоторые изъ преподавателей нѣкоторыхъ семинарій послѣдняго времени стараются показать товарищеское,

*) Учитель пѣнія.

***) Не точно. Передача свободная.

но большей частью фальшивое отношеніе къ ученикамъ; посредствомъ заискиванія, глаженія учениковъ по головкѣ добиваются популярности и хоть наружной расположенности къ себѣ со стороны учениковъ или большей снисходительности къ своей бѣднотѣ и умственной, и нравственной... Дисциплина въ семинаріи выполнялась строго. Предъ богослуженіемъ производилась точная перекличка, послѣ которой ученики шли изъ зала въ церковь попарно. Выходы изъ церкви, разговоры въ ней, опущеніе уроковъ и особенно богослуженія строго преслѣдовались; на квартирахъ поддерживалась та же дисциплина, что и въ казенномъ корпусѣ. Еще отрывокъ, очень характерный:—

При хорошихъ свойствахъ Г. И. Галина, какъ педагога; при сравнительно значительной тактичности и въ общемъ добромъ характерѣ, какъ человѣка, онъ впадалъ иногда въ крайность. Такъ, желаніе держать носимую должность на соответственной высотѣ доводило до обнаруженія гордости; стремленіе знать все, необходимое для инспекторскаго вѣдѣнія, не возвышалось иногда надъ полученіемъ различныхъ свѣдѣній путями непрямыми (посредствомъ тайныхъ, наушническихъ донесеній со стороны нѣкоторыхъ учениковъ), ревность сдѣлать всѣхъ воспитанниковъ хорошими и знаніе немощей человѣческихъ, вообще и юношескихъ, въ частности, развивали въ немъ подозрительность, по которой онъ и нравственно хорошихъ воспитанниковъ не рѣшался считать таковыми на самомъ дѣлѣ, а стремленіе, во что бы то ни стало, покарать преступленіе возбуждало въ немъ по временамъ мстительность и т. п. *).

Воспоминаніе А. М. цѣнно тѣмъ, что онъ самъ, долгое время стоявшій очень близко у дѣла обученія и воспитанія семинарскаго, какъ преподаватель и инспекторъ, подмѣтилъ самыя яркіе, самыя типичныя недостатки обученія и воспитанія въ семинаріи. Недостатки эти—полное отсутствіе у нѣкоторыхъ преподавателей сознанія громадной важности возложеннаго на нихъ дѣла, любви къ порученному имъ дѣлу и дѣтямъ, поэтому ихъ и не интересуютъ результаты ихъ преподаванія и если въ голо-

*) Передача отрывочная.

вахъ учениковъ все же оставалось что нибудь, то это уже не по винѣ преподавателей *).

Воспитаніе сводилось къ строгой дисциплинѣ, къ казарменному режиму. Любовнаго отношенія къ учащимся не было, не было у преподавателей и инспекціи и желанія сблизиться съ учениками и такимъ путемъ узнать ихъ наклонности и стремленія, чтобы вліять потомъ легче въ желательномъ направленіи. Вмѣсто этого даже у лучшихъ педагоговъ, какимъ считаетъ А. М. инспектора Галина,—подозрительность, гордость, мстительность и пристрастіе къ наушничеству, самому пагубному пороку администраціи училищной, вносящему въ среду учениковъ такое нравственное разложеніе, которое нельзя парализовать никакими мѣрами. Любопытно, что объ этомъ порокѣ семинарской инспекціи упоминаютъ очень многіе въ своихъ воспоминаніяхъ. Наушничество красной нитью проходитъ черезъ всю столѣтнюю жизнь нашей семинаріи **).

Слѣдующее воспоминаніе рисуетъ намъ переходъ изъ эпохи помяловщины въ новую пореформенную семинарію (реформа была въ 1867 г.). Конецъ былъ особенно мраченъ и переходъ слишкомъ рѣзокъ, до того рѣзокъ, что онъ ошеломилъ учащихся.

«Я живо припоминаю, говоритъ авторъ воспоминанія, о Солярскій, конецъ шестидесятыхъ годовъ и начало семидесятыхъ, когда старая бурса отошла въ вѣчность, въ область преданія. Эти годы историческій моментъ въ жизни духовной школы; когда помяловщина со всѣми ея ужасами—порками, розгами, вареными вмѣсто мяса крысами въ борщахъ, сальными свѣчами

*) Выводъ автора статьи...

Цензоръ.

***) Могу засвидѣтельствовать, что у ректора А. В. Яновскаго и бывшаго при немъ 14 лѣтъ инспектора и у бывшаго прежде ректора В. М. Пархомовича наушниковъ не было. У нихъ не было ни любимцевъ, ни нелюбимыхъ: они старались любить всѣхъ учениковъ. Злопамятности, а тѣмъ болѣе мстительности у нихъ тоже не было, и разъ провинившійся ученикъ каялся въ своемъ проступкѣ и исправлялся, они о проступкѣ его забывали. Таковъ былъ и инспекторъ Л. С. Мацѣвичъ.

Цензоръ.

въ кашахъ, клопами, нечистоплотностью, отсутствіемъ отхожихъ мѣстъ, для ночныхъ надобностей, постелью вѣчно сырой и въ буквальномъ смыслѣ кишашею червями (?), пылью, грязью, голодомъ, холодомъ, сыростью, арестантскими одеждою и обувью, — была брошена навѣки въ помойную яму и явилась новая, свѣжая, живительная струя, влился свѣжій оживотворяющій духъ въ жизнь духовной школы. Я поступилъ въ духовную школу какъ разъ на рубежѣ старой бурсы и новой реформированной духовной школы. Этотъ періодъ сильно запечатлѣлся въ моей памяти, и никогда не забуду его. Вотъ снаряжаетъ меня вдова мать—матушка въ какую-то невѣдомую даль, въ какой-то городъ Кишиневъ за 100 слишкомъ верстъ въ школу. Поѣхали на наемной клячкѣ, пріѣхали въ городъ, меня приняли въ бурсу на казенный счетъ. Мать на вдовье гроши купила мнѣ сундучекъ, вложила въ него пару рубашенокъ, пару кальсонъ, кусокъ хлѣба, немного сѣмячекъ и 11 копѣекъ, заперла на ключъ, отдала мнѣ его, приказала беречь это добро, опять повторила вышеприведенное причитаніе и уѣхала домой.

Вечеромъ по звонку всѣ ученики буквально бросились въ столовую, указали и мнѣ, новичку, мѣсто, сѣлъ я и смотрю, какъ кушаютъ вмѣстѣ со мною семь мальчиковъ изъ одной оловянной вазы какую-то жижу, кулишъ; одинъ изъ мальчиковъ все прикладываетъ къ своему носу руку и какъ будто высмаркивался въ эту вазу, видя это, я не могъ кушать и легъ спать на деревянной кровати съ жесткою постелью голоднымъ. На утро, когда всталъ, увидѣлъ сундучекъ отпертымъ и все содержимое въ немъ исчезнувшимъ. Нѣсколько ветерановъ подошли ко мнѣ съ усмѣшкой и спросили — изъ какой я деревни, имѣю ли родителей, желаю ли ихъ видѣть и предложили мнѣ «почту». Эта почта въ эту ночь привезетъ меня къ матери и я буду разговаривать съ нею; радъ радешенокъ, и ложусь спать съ услажденіемъ видѣть мать; въ полночь просыпаюсь съ сильными болями въ пяткахъ и ревомъ. Оказалось, ветераны приложили къ пяткамъ намасленныя бумажки и зажгли ихъ. Такъ меня встрѣтила и приняла на свое попеченіе бурса. Черезъ мѣся-

ца полтора пріѣхала мать и ужаснулась, увидя меня въ томъ-же бѣльѣ: грязнаго и полного насѣкомыхъ, обмыла, обчистила, гдѣ-то нашла бѣлье и перемѣнила, на другой день я былъ опять полонъ насѣкомыми, мать перекрестилась и уѣхала со слезами.

Къ зимѣ меня экипировали, сшили изъ парусины брюки, которые застегивались подъ самой шеей, какой-то пиджачекъ, полы и рукава котораго касались земли, и сапоги съ двухвершковыми голенищами. Не помню, ходилъ ли я въ классъ или нѣтъ, или же былъ на привилегіи—«безъ обуви» и лежалъ цѣлую зиму въ спальняхъ, только на другой годъ съ большими трудностями, чуть ли не связаннаго, привели меня въ городъ!

Иду въ бурсу съ умысломъ въ эту ночь поживиться чужимъ добромъ изъ сундуковъ, подхожу и вижу—зданіе отремонтировано, выкрашено, неузнаваемо. Встрѣчаетъ насъ швейцаръ, въ длинномъ мундирѣ съ желтыми пуговицами. Далѣе встрѣчаютъ насъ двое интеллигентныхъ молодыхъ людей, отрекомендовавшихся нашими надзирателями и обратившихся къ намъ со словами: «дѣти, пожалуйста, съ сундучками въ гардеробную, оставьте тутъ ваше добро и пожалуйста въ спальню». Въ спальнѣ кровати желѣзныя, съ новыми тюфяками, простынями, наволоками, все блеститъ, поразительная чистота; у каждой кровати шкафикъ, надзиратели распредѣляютъ насъ по кроватямъ, ласково убѣждаютъ насъ быть смирными. На утро надзиратели уговариваютъ умыться, причесаться, зовутъ на молитву и въ столовую, гдѣ, глазамъ нашимъ не вѣрится, столы новые, накрытые скатертями, предъ каждымъ блюдечко со стаканомъ чаю и бѣлымъ хлѣбомъ; въ прошлыхъ годахъ давали только одинъ черный, черствый, прокислый хлѣбъ малышамъ, а четвертокклассникамъ два раза въ недѣлю давали немного соли и кружку воды и въ праздникъ лукъ или прасъ и мы, малыши, съ завистью смотрѣли на такую недосыаемую для насъ роскошь!

Пришли въ классы, новыя парты, полы, окна крашенныя, чистота, учителя привѣтливыя, ласковыя, говорятъ намъ, что уже не будетъ розогъ. Послѣ уроковъ обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ, вкусный, сытный. Послѣ обѣда цырюльникъ насъ остригъ, сапож-

никъ почистилъ сапоги. По старой памяти собираемся поиграть въ пуговицы, перья, копку, надзиратели уговариваютъ заняться уроками, а къ вечеру будетъ общая игра. Выходить смотритель ни учить насъ разнымъ играмъ. Вотъ вечернія занятія; надзиратели спрашиваютъ о нашихъ домашнихъ; а потомъ объ урокахъ. Далѣе чай вечерній, ужинъ хорошій, потомъ опять прекрасная постель. Боже, сразу мы преобразились. Въ особенности когда намъ сшили одежду по тальѣ, хорошую обувь, которую сапожникъ два раза въ недѣлю чистилъ. Каждый мѣсяцъ ходили въ городъ въ баню; идемъ по улицѣ попарно, чинно безъ шума, удивляются и торговки на старомъ базарѣ и не запираются, какъ отъ прежнихъ бурсаковъ. Подошли рождественскіе праздники. Устроили намъ чтенія, разрѣшили сыграть какого-то «Царя Максимилиана». Руководили нами смотритель и надзиратели, они установили и сцену и на репетиціяхъ бывали. Всѣ эти развлечения раздѣляли съ нами учителя съ своими семьями. На пасху приготовили намъ пасхальный столъ, какъ у зажиточной семьи, давали намъ денегъ на карусели. 1 мая устроено было загородное гулянье. Боже, сколько удовольствія доставила намъ бѣготня за смотрителемъ, который разбрасывалъ намъ сладости! Средостѣніе уничтожилось, и мы полюбили своего смотрителя, незабвеннаго Леонида Платоновича Шпановскаго, какъ родного отца; онъ оказался свѣтлою, гуманною личностью, очень доступною, и мы чуть ли не ежедневно обращались къ нему съ разными недоумѣніями; въ послѣдствіи, какъ преподаватель семинаріи, былъ краскою послѣдней...

Съ теченіемъ времени, было ли усмотрѣно въ этомъ немного либерализма, или что нибудь другое, но положеніе въ духовной школѣ понемногу стусебалось и краски были сгущены.

Вмѣстѣ съ дореформенной бурсой исчезли самыя мрачныя стороны духовной школы и хотя многое изъ того свѣтлаго, что внесено было реформой, скоро было оставлено, какъ неумѣстный, по убѣжденію тогдашнихъ руководителей духовной школы, либерализмъ, но возвратъ къ прошлому уже былъ не мыслимъ. Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ если и встрѣчаемся съ остат-

ками темнаго прошлаго, то уже какъ съ исключеніемъ, причемъ это прошлое приспособилось къ новымъ условіямъ, приняло болѣе современную форму, новыя же гуманныя отношенія къ учащимся свили себѣ и въ духовной школѣ прочное гнѣздо.

Воспоминаніе о. Гр. Пламадялы и останавливается главнымъ образомъ на этихъ новыхъ отношеніяхъ учащихся къ учащимся. Это воспоминаніе относится къ первому типу воспоминаній. Исключительныя благопріятныя условія, внимательно-любовное отношеніе къ о. Григорію семинарской администраціи оставили въ его душѣ одно свѣтлое, благодарное, признательное воспоминаніе, хотя помимо воли автора въ его воспоминаніи вырисовываются и нѣкоторыя темныя стороны семинаріи.

„Я поступилъ въ Кишиневскую семинарію въ 1870 г., пишетъ о. Гр., и обучался въ ней до 1876 г. Поступивъ въ семинарію, я сталъ оказывать достаточно удовлетворительные успѣхи по всѣмъ отраслямъ семинарскихъ наукъ за исключеніемъ математики, которой не понималъ, и русской гражданской исторіи, преподаватель которой П. Θ. Паховскій не отмѣчалъ мои отвѣты отличными потому, что ему мой акцентъ (молдавскій) не нравился. Однако семинарское начальство относилось ко мнѣ съ нѣкоторымъ вниманіемъ и довѣріемъ не столько за мои успѣхи по семинарскимъ наукамъ, сколько за мою скромность и доброе поведеніе. Пользуясь со стороны администраціи семинаріи и преподавателей ея нѣкоторымъ предпочтеніемъ предъ другими товарищами, выражавшимся въ томъ, на примѣръ, что просишься у господина помощника инспектора семинаріи—у Юрія Ивановича Фолте выйти на часа 2 въ городъ, или пойти въ театръ, онъ позволялъ и не отказывалъ въ такой просьбѣ: или бывало, не отвѣтишь какому нибудь преподавателю хорошо, онъ оставлялъ такой отвѣтъ безъ балла, потому что былъ увѣренъ, что заслуживаешь лучшаго балла, и спрашивалъ въ другой разъ, за мое аккуратное отношеніе къ исполненію ученическихъ обязанностей; я такъ сблизился и сроднился съ семинаріей и относился съ такимъ уваженіемъ къ преподавателямъ ея, что всегда съ пріятностью и признательностью вспоминаю о родной семинаріи,

благовоспитавшей меня, и преподавателяхъ ея давшихъ мнѣ назидательные уроки нравственности, религіозныхъ убѣжденій и житейскаго опыта.

Никогда не забуду, а съ чувствомъ искренней благодарности вспоминаю одинъ случай изъ моей семинарской жизни. Мой отецъ, за неимѣніемъ средствъ, предполагалъ уволить меня изъ 3 класса семинаріи. Но, къ моему счастью, нашлись добрые люди: бывшій ректоръ семинаріи, о. Архимандритъ Варлаамъ, отецъ инспекторъ семинаріи, протоіерей Григорій Галинъ и преподаватели ея А. М. и братъ его І. М. Пархомовичи, которые помогли мнѣ, въ трудную минуту жизни, приняли меня въ общежитіе на казенный счетъ и этимъ дали мнѣ возможность дальнѣйшаго образованія и полнаго окончанія курса семинаріи. За это вспоминаю объ этихъ лицахъ, какъ моихъ благодѣтеляхъ, съ величайшею благодарностью и считаю себя предъ ними всегда обязаннымъ. Кромѣ этихъ лицъ, сохранились во мнѣ отрадныя воспоминанія о протоіерее В. Пархомовичѣ, и. д. ректора семинаріи, при окончаніи мною курса семинаріи и бывшемъ потомъ архіепископѣ Аѳанасіи Донскомъ и Новочеркасскомъ: онъ отличался гуманнымъ, благороднымъ и истинно отеческимъ обращеніемъ съ учениками и преподавателями семинаріи, а также во мнѣ сохранились воспоминанія о прот. Хр. Бочковскомъ, о П. Марковѣ, П. А. Синимскомъ, Л. Ст. Мацѣевичѣ, Е. А. Сахаровѣ, М. А. Ганицкомъ, А. М. Мануиловѣ, М. И. Епури и Н. Ю. Артыновѣ, какъ о преподавателяхъ добрыхъ, отзывчивыхъ и добросовѣстно относившихся къ исполненію служебнаго своего долга. Изъ темныхъ сторонъ семинарскаго обученія и воспитанія здѣсь отмѣчены, хотя и намѣренно вскользь только, неодинаковое отношеніе семинарской администраціи и преподавателей къ ученикамъ: къ однимъ она слишкомъ благоволила, какъ, напри- мѣръ, къ автору воспоминанія, притомъ безъ видимой причины, по крайней мѣрѣ о. Гр. Пламадяла затрудняется указать такую: учился онъ не блестяще, отличался онъ хотя и скромнымъ и добрымъ поведеніемъ, но не такимъ исключительнымъ, которое давало бы ему право на то предпочтеніе, которое ему ока-

зывала и администрація и большинство преподавателей; къ другимъ ученикамъ администрація слишкомъ сурова, отказывая имъ въ такихъ законныхъ просьбахъ, какъ отпускъ на два часа. Другая темная сторона — это о наличность такихъ преподавателей въ семинаріи, которые находили справедливымъ и педагогичнымъ понижать оцѣнку знанія по исторіи изъ-за акцента, это смахиваетъ на анекдотъ, до того оно нелѣпо.

Другія воспоминанія изъ этого періода не вносятъ ничего новаго, существеннаго, поэтому я ихъ опускаю.

Любопытны и очень характерны, какъ типичные и самые яркіе примѣры первыхъ двухъ видовъ воспоминаній, о которыхъ я выше говорилъ, два воспоминанія, относящіяся почти къ одному и тому же времени. Это воспоминанія питомца семинаріи выпуска 1889 г. и питомца выпуска 1891 года. Одно — сплошной гимнъ семинаріи, другое — сплошной плевокъ (!).

«Провелъ я въ семинаріи лучшіе годы, пишетъ послѣдній, и считаю ихъ только потерянными. Ничего основательнаго не вынесъ. Программа, режимъ и руководители — швахъ. Большого различія между прошлымъ и настоящимъ нѣтъ. Теперь еще хуже: баклуши бьютъ, а не учатся. Мы вышли изъ семинаріи диллетантами, а нынѣшніе семинаристы невѣжественны *). Изъ

*) Свѣдѣніе это противорѣчитъ дѣйствительности. Какъ прежде, такъ и въ позднѣйшіе годы въ Кишиневской семинаріи были и есть воспитанники дѣловитые, серьезно занимающіеся своимъ дѣломъ и владѣющіе солидными научными свѣдѣніями. Пусть воспоминатель припомнитъ, какъ успѣшно воспитанники семинаріи, желавшіе поступить въ университетъ, выдерживали дополнительные и провѣрочныя испытанія, а нѣкоторые изъ нихъ — экзаменъ при гимназій на аттестатъ зрѣлости, какъ, при всей строгости поступленія въ Духовную Академію, воспитанники нашей семинаріи, посылаемые на казенный счетъ, съ полнымъ успѣхомъ выдерживали приемные экзамены, съ честью для себя и для семинаріи продолжали, а нѣкоторые и нынѣ продолжаютъ свое высшее образование, а многіе заявили уже себя на поприщахъ служебной и ученой дѣятельности... Нынѣшніе воспитанники семинаріи нашей призваны къ умственной работѣ. Еще со времени прибытія на Кишиневскую кафедру Владыки Серафима обращено особенное вниманіе на приученіе воспитанниковъ высшихъ классовъ къ проповѣднической дѣятельности. Воспитанники 6 кл. раздѣляются на группы, представляющія собою проповѣдническіе

всѣхъ преподавателей добрымъ словомъ никого не могу помянуть. Всѣ старались пройти программу и больше ничего».

Другой пишетъ: «Не могу вспомнить про дорогую семинарію безъ особаго сердечнаго восторга. Быстро проносится предъ мысленнымъ взоромъ моимъ вся жизнь моя въ семинаріи со всѣми ея приключеніями, какими богата семинарская жизнь вообще, а корпусная—пансіонная въ особенности.

Невольно какъ то молодѣешь, вспоминая всѣ шалости чисто дѣтскія, невинныя и тѣхъ дорогихъ товарищей, съ которыми былъ связанъ дружбой. Семинарская жизнь протекла какъ то незамѣтно, быстро, весело, игриво. Грустно становится на душѣ, когда вспомнишь, что все это какъ сонъ прошло безвозвратно.

Дорогіе воспитатели—могиканы своего времени— Пархомовичи, Стадницкій, Постниковъ, Лузановскій, Темнорусовъ, Семейкинъ и пр. проходятъ предъ мысленнымъ взоромъ и будятъ въ сердцѣ самыя лучшія о нихъ воспоминанія.

Учиться при нихъ было легко. Ко всѣмъ относились они сердечно, искренно, съ желаніемъ вложить, что называется, пре-
кружки. Они составляютъ проповѣди или же подыскиваютъ, подъ руководствомъ преподавателя гомилетики, подходящія печатныя поученія и, по назначенію ректора семинаріи, произносятъ ихъ на ранней литургіи въ кафедральномъ соборѣ, въ архіерейской Крестовой церкви, въ семинарской и въ приходскихъ церквахъ (что отчасти дѣлалось и въ прежнее время). При этомъ нынѣ требуется, чтобы ученики произносили проповѣди наизусть, что большинствомъ изъ нихъ и выполняется. Въ семинарской же церкви требованіе это выполняется всѣми воспитанниками-проповѣдниками. Все это всецѣло поощряется и Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Платономъ. Кромѣ того, въ другихъ классахъ заведены въ семинаріи литературныя кружки, на которыхъ начальство и преподаватели выслушиваютъ рефераты воспитанниковъ. Къ такой работѣ воспитанники проявляютъ значительный интересъ, охотно посѣщаютъ собранія для заслушанія рефератовъ, такъ какъ необходимость умственнаго развитія въ настоящее время всѣми сознается. Полагаю, что не безызвѣстны, какъ автору статьи, такъ и воспоминателю, и примѣры доброй дѣятельности пастырей, окончившихъ семинарію въ позднѣйшее время и съ великимъ самоотверженіемъ несущихъ свои обязанности нынѣ, на полѣ брани... Могли-ли выработаться такіе дѣятели, если бы семинарія выпускала своихъ питомцевъ «невѣжественными» и если бы они проводили

подаваемый ими предметъ въ душу и разумъ своихъ воспитанниковъ. Гоне ній особыхъ за проступки и малоуспѣшіе не было въ наше время, ибо воспитатели были проникнуты желаніемъ исправлять виновныхъ, а не карать лишь. Мы такое отношеніе къ себѣ умѣли цѣнить и старались всѣми мѣрами не огорчать своихъ добрыхъ благородныхъ, а теперь особенно дорогихъ воспитателей.

Были, конечно, и дефекты въ нашей семинарской жизни, въ нашихъ отношеніяхъ къ нѣкоторымъ воспитателямъ, но они такъ ничтожны, что не могутъ омрачить общаго восторженнаго воспоминанія о семинаріи.

Выпустили насъ изъ семинаріи достаточно подготовленными къ жизни и къ высокому пастырскому служенію, за что мы искренно благодарны нашей общей, дорогой *almae mater*».

Что приведенныя воспоминанія крайне субъективны, что въ одномъ тщательно (!) замолчаны положительныя, а въ другомъ отрицательныя стороны семинарскаго обученія и воспитанія, едва ли приходится доказывать. Такія воспоминанія, впрочемъ, при всей ихъ слишкомъ рѣзкой субъективности, а отсюда и малоцѣнности для выясненія достоинствъ и недостатковъ семинарскаго воспитанія и образованія, все же важны въ томъ отношеніи, что показываютъ, что въ семинарскомъ воспитаніи и образованіи есть достаточно и положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ. Определить, въ чемъ именно выражались тѣ и другія стороны, даютъ намъ возможность другія, болѣе объективныя воспоминанія*). Приведу воспоминаніе воспитанника того же выпуска 1891 г., къ которому принадлежитъ предыдущій воспоминатель. Воспоминаніе это почти такого же восторжен-

время во «фланированіи» «по улицамъ до поздней ночи», въ чемъ нынѣшнихъ воспитанниковъ упрекаетъ дальнѣйшій воспоминатель выпуска 1891 г., съ похвалой отзывающійся о своемъ времени въ семинаріи?.. На основаніи же единичныхъ фактовъ, которые возможны, нельзя дѣлать вывода общаго... **Цензоръ.**

*) Почему одни воспоминанія слѣдуетъ считать объективными, а другія—субъективными, авторъ статьи основаній на это не приводитъ. Читатели, оказывается, должны вѣрить только его словамъ, его опредѣленію, его взгляду, его сужденію!.. **Цензоръ.**

наго характера, какъ и предыдущее, но въ немъ отмѣчены и нѣкоторыя отрицательныя стороны семинарской жизни, причемъ эти стороны оказываются далеко не «такими ничтожными дефектами», какъ они представляются предыдущему восторженному питомцу.

«О семинариі осталось во мнѣ, пишетъ второй питомецъ семинариі выпуска 1891 г., самыя свѣтлыя воспоминанія. Изъ семинариі я вынесъ и до сихъ поръ храню къ ней чувства благодарности за то, что она заложила во мнѣ твердый нравственный фундаментъ, на которомъ я могу успѣшно продолжать свое самообразование и самовоспитаніе. Она указала мнѣ ясную цѣль жизни, дала въ извѣстной степени умственное развитіе и уберегла отъ возможныхъ въ пору юности разныхъ вредныхъ увлеченій и заблужденій. Въ мое время господствовалъ строгій режимъ ректора, о. Яновскаго, человѣка твердаго, упорнаго, настойчиваго, труженика, требовательнаго, но справедливаго. Во дни его управленія семинаристы занимались своимъ дѣломъ безъ стороннихъ увлеченій и не было тогда фланированія по улицамъ до поздней ночи, что сейчасъ бросается въ глаза всѣмъ.

Къ своимъ обязанностямъ ректоръ относился строго и внимательно и выполнялъ ихъ всѣми своими силами, все время онъ отдавалъ семинариі. Преподавалъ онъ свой предметъ (Св. Писаніе въ VI классѣ) образцово—лучше всѣхъ другихъ; объяснялъ ясно, просто, кратко, не многоглагольствуя.

Были еще прекрасные преподаватели: Темнорусовъ—это чудный ораторъ—фонтанъ краснорѣчія, онъ увлекательно читалъ литературу въ полную противоположность бездарному и нерѣчистому коллегѣ С.; Легензевичъ преподавалъ богословіе довольно хорошо, но главное достоинство его въ томъ, что онъ жилъ по своему ученію, былъ весьма религіознымъ человѣкомъ и о немъ можно сказать, что онъ «ходилъ предъ Богомъ».

Лузановскій—вѣчный труженикъ и мученикъ за свою профессію, старался всѣми силами своими, надорванными болѣзнью, приучить насъ къ философской мысли, но малоуспѣшно.

Это были болѣе яркія звѣзды и они уже всѣ отошли къ праотцамъ. Изъ живущихъ оставили пріятное воспоминаніе І. М. Пархомовичъ своею аккуратностью, ровностью въ отношеніяхъ, справедливостью и хорошимъ методомъ преподаванія (постоянно повторялъ зады и невольно все возобновлялось въ памяти).

— Былъ чудень Стадницкій, но къ сожалѣнію, онъ преподавалъ тогда греческій языкъ, который въ ущербъ нужнымъ въ жизни знаніямъ служитъ лишнимъ бременемъ въ кругѣ семинарскаго образованія*).

Среди такихъ достойныхъ лицъ были въ семинарской корпораціи и дармоѣды, какъ N, N,**) et cetera, коихъ ужъ могила одна можетъ только исправить».

Въ этомъ воспоминаніи авторъ вопреки своему однокурснику говоритъ, что режимъ въ семинаріи былъ строгій. Многие изъ могиканъ предыдущаго автора оказываются ничтожествами***), или во всякомъ случаѣ не могиканами, такъ какъ такихъ преподавателей и сейчасъ не мало. Могиканъ, на примѣръ, Лузановскій превращается въ больного, измученнаго человѣка, преподаваніе котораго приближалось къ работѣ бѣлки въ колесѣ. Другой могиканъ С. оказывается бездарностью. Были, оказывается, цальше, и преподаватели, которые прямо недобросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ, или, какъ называетъ ихъ, авторъ «дармоѣды». «Въ семьѣ не безъ урода», смягчаетъ свой приговоръ авторъ въ заключеніи своего воспоминанія. Но если можно оправдать и извинить недостатки и бесполезную, хотя и добросовѣстную работу Лузановскаго, то «дармоѣдство» дру-

---

*) Съ этимъ взглядомъ о. воспоминателя на греч. яз. развѣ можно согласиться? О латин. языкѣ онъ не упоминаетъ: онъ къ послѣдному милостивъ... Это, по автору статьи, взглядъ объективный... **Цензоръ.**

***) Опускаю фамиліи перечисленныхъ въ воспоминаніи преподавателей по понятнымъ для каждаго причинамъ. Н. С.

****) Два не составляютъ множества, при чемъ воспоминатель не низводитъ ни труженика—больного Лузановскаго, ни С. на ничтожество. Это уже сужденіе автора статьи, разыскивающаго воспоминанія объективныя. **Цензоръ.**

гихъ преподавателей едва ли заслуживаютъ такого благодушнаго отношенія. И не въ этомъ ли злостномъ дармоѣдствѣ части преподавателей нужно искать одну изъ причинъ постепеннаго развала духовной школы?

Любопытно, что и слѣдующій авторъ воспоминаній, питомецъ семинаріи, періода 1889—1895 г.г. (семинаріи не окончилъ) также говоритъ о группѣ преподавателей, сознательно недобросовѣстно (!) относящихся къ своимъ обязанностямъ. И это тѣмъ характернѣе, что общій тонъ его воспоминаній—восторженный, съ уклономъ къ переоцѣнкѣ достоинствъ семинарскаго воспитанія и обученія. «За мое время, пишетъ авторъ этотъ—свящ. П. Сѣверинъ, преподавателей по разнымъ предметамъ было много, но я сохраняю благодарную память только о тѣхъ изъ нихъ, которые незамѣтно для себя имѣли неотразимое вліяніе на направленіе моей воли и характера. Да простятъ мнѣ нынѣ здравствующіе мои дорогіе воспитатели, что я осмѣливаюсь вывести на сцену незабвенныя для меня имена. Это я дѣлаю для подтвержденія мысли о важномъ значеніи личности преподавателя въ дѣлѣ пастырскаго воспитанія. Упомяну прежде о незабвенномъ преподавателѣ Священнаго Писанія Гр. Мих. Постниковѣ, любящемъ и любимомъ воспитателѣ. Священное Писаніе при немъ преподавалось по учебнику Хергозерскаго. Мы не любили учить уроки по этому учебнику. Намъ казалось, что изложеніе въ немъ сухо и безжизненно, но незабвенный Гр. Мих. Постниковъ сумѣлъ заставить насъ полюбить и нелюбимый учебникъ. «Ну, вотъ начинается отсебятина, не сочиняйте, лучше Хергозерскаго не скажете, научитесь мыслить и рассуждать о высокихъ предметахъ по Хергозерскому и не ошибетесь». Такими словами останавливалъ Г. М. наши попытки передать мысли Хергозерскаго своими словами, въ какихъ попыткахъ онъ хорошо замѣчалъ незнаніе урока. Послѣ Гр. М. Священное Писаніе преподавалъ намъ іером. о. Владимиръ, нынѣ кажется епископъ Благовѣщенскій*). Методъ преподаванія при немъ измѣнился.

*) Въ Бозѣ почилъ. См. о немъ въ оф. ч. № 7—8 Киш. Еп. Вѣд. въ статьѣ г-на цензора.

«Нѣтъ, господа, бывало говорить о. Владимиръ, не особенно придерживайтесь учебника, онъ слишкомъ кратокъ. Возьмите, библию, она есть у всѣхъ; постараемся болѣе подробно изложить, а васъ прошу слѣдить по библии и слушать со вниманіемъ». И начинается рѣчь о. Владимира, тихая, не особенно ясная (онъ немного картавилъ), но съ какимъ вниманіемъ ее слушали. Тишина въ классѣ абсолютная. Рѣчь продолжается цѣлый урокъ*); звонокъ данъ, о. Владимиръ его не слышалъ, а мы не смѣемъ прервать его увлекательной рѣчи, сами невольно увлекшись слушаніемъ ея. Поднявшійся шумъ въ залѣ напоминаетъ о. Владимиру объ окончаніи урока. «Да, урокъ оконченъ, я еще никого не спросилъ, возьмите къ слѣдующему разу рассказанное, надѣюсь на вашу добросовѣстность, что приготовили сегодняшній урокъ. Въ другой разъ я спрошу оба урока». Мы изо всѣхъ всѣхъ силъ старались оправдать довѣріе о. Владимира, поэтому двоекъ на весь классъ почти за весь учебный годъ не было.

«Простите, о. Владимиръ, я на сегодня не успѣлъ приготовить урока».—Очень жаль, прошу, чтобы это часто не повторялось; меня это огорчаетъ, мнѣ больно, когда приходится выставлять неудовлетворительный баллъ по Св. Писанію».

Тексты выучивались безупречно и многіе помнятся и теперь. Великое русское спасибо незабвенному о. Владимиру, что онъ сумѣлъ возбудить въ насъ любовь къ самостоятельному изученію Св. Писанія. Библейскую и церковную исторію преподавалъ намъ многоуважаемый Іосифъ Мих. Пархомовичъ, нынѣ здравствующій, но уже въ отставкѣ. Если и сохранились кое-какія знанія по этимъ предметамъ, то только потому, что І. М. приучилъ насъ къ аккуратности и исполнительности своихъ ученическихъ обязанностей.

«Ну, вотъ, сказали ересь! А почему? Полѣнились приготовить, какъ слѣдуетъ, урокъ, надѣялись, вѣроятно, что прочту разъ

*) И что же, о. Сѣверинъ, этотъ препод. правильно велъ дѣло? Въ среднихъ учеб. завед. лекціи воспрещаются и ревизоры такихъ препод. осуждаютъ.

предъ урокомъ, да и отвѣчу какъ нибудь. Не хорошо! Стыдно такъ относиться къ дѣлу». Потомъ обращаясь ко всему классу: «Господа, вы уже не маленькіе! Неужели не понимаете, къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ такое отношеніе къ дѣлу? Имѣйте въ виду, господа, что школа васъ жалуетъ и милуетъ, ожидая вашего, господа, исправленія, а жизнь безпошадно бичуетъ нерадивыхъ. Старайтесь добрые навыки приобрѣсть здѣсь, тогда въ жизни вамъ будетъ легко. Если же съ такими наклонностями выйдете въ жизнь, берегитесь, жестоко пострадаете».

Это и подобныя нравоученія глубоко западали въ душу юныхъ воспитанниковъ, потому и я не могу забыть дорогого I. M., какъ забылъ другихъ, особенно съ училища, фамиліи которыхъ даже припомнить не могу. Напримѣръ, помню, что во 2. и 3. классахъ Кишиневскаго духовнаго училища въ 1884 и 1885 году преподавалъ русскій языкъ N, припоминается только фигура довольно невзрачная. Два года былъ преподавателемъ, но не оставилъ въ душѣ своего воспитанника никакого слѣда, ни положительнаго, ни отрицательнаго. Между тѣмъ Д. С. Кипра былъ мнѣ учителемъ только одинъ годъ въ приготовительномъ классѣ училища и я его помню и не забуду до смерти. Почему? Потому что мы своимъ чистымъ дѣтскимъ сердцемъ почувствовали его искреннюю любовь къ намъ, малышамъ. Или незабвенный Л. С. Мацѣвичъ! Онъ былъ учителемъ латинскаго языка въ IV. основномъ классѣ Кишиневскаго Духовнаго училища только одинъ годъ. Какое воспитательное значеніе можетъ имѣть преподаваніе мертваго языка, какъ латинскій, особенно при изученіи склоненій и спряженій? Свѣтлая личность Л. С. вносила радостный лучъ свѣта въ нашу забитую ученическую жизнь. Урока Л. С. мы ожидали, какъ свѣтлаго праздника.

Много было надзирателей въ училищѣ съ 1882 по 1889 г., но я помню, какъ добрыхъ воспитателей, только А. С. Балтагу, нынѣ протоіерея церкви с. Каларашъ, М. I. Попова, нынѣ священника церкви с. Кебабчи. Смотрителемъ былъ М. И. Епури, а помощникомъ—нынѣ здравствующій П. А. Сладкопѣвцевъ. Многоуважаемый П. А., будучи добрымъ моимъ воспитателемъ

неизмѣнно пребываетъ таковымъ и для моихъ дѣтей. Приношу ему искреннюю глубокую благодарность.

Изъ помощниковъ инспектора семинаріи помню здравствующаго А. Н. Полянскаго. Спасибо ему за чисто отеческія отношенія къ намъ, воспитанникамъ. Сохраняю добрую память какъ объ искреннихъ педагогахъ, о П. П. Боголѣповѣ и И. А. Семейкинѣ. Что касается прот. М. Чакира и А. Лелявскаго, то они мои добрые и дорогіе воспитатели измлада и до днесь. Вышеуказанные мои добрые воспитатели незамѣтно для себя имѣли большое вліяніе на направленіе моей воли и характера, въ особенности же А. Ю. Стадницкій, нынѣ Архіепископъ Новгородскій. Весьма сожалѣю, что мнѣ не суждено было слушать его чудные уроки по богословію и въ слѣдующихъ классахъ, кромѣ 4-го, уроки, преисполненные духовной мудрости и сладкорѣчія. Исполла Высокопреосвященному Арсенію, неогцѣнимому воспитателю»...

Дальнѣйшія строки воспоминанія опускаю, какъ продолженіе этого слишкомъ ужъ слащаваго и приторнаго восхваленія⁸⁾ уже достаточно восхваленныхъ преподавателей. Думаю, что и преподавателямъ неловко будетъ читать. Опускаемая строки ни-

---

⁸⁾ Непонятно, почему автору статьи не нравятся воспоминанія, въ которыхъ педагоги и лица администраціи одобряются; онъ старается и въ восхваляемыхъ „могиканахъ“ найти что-нибудь, уменьшающее ихъ достоинства и ослабляющее доброе о нихъ слово, какъ наприм. см. выше о Лузановскомъ или о С., какихъ онъ готовъ низвести на ничтожество (!). Автору больше нравятся воспоминанія, въ которыхъ учащіе порицаются, при чемъ такія воспоминанія передаетъ онъ недословно, а въ своемъ собственномъ обобщеніи (см. воспом. „другого“ воспитанника 1891 г. и Сѣверина и проч.), и воспоминанія, въ которыхъ содержится доброе слово о школѣ и ея педагогахъ, онъ признаетъ субъективными, окрашенными въ розовую краску, и даже „намѣренно“; почему же онъ не считаетъ субъективными воспо-

чего не прибавляютъ къ сказанному. Привожу дальше конецъ воспоминанія: «если бы въ нашихъ семинаріяхъ былъ достаточный подборъ честныхъ и вполнѣ преданныхъ своему дѣлу преподавателей и воспитателей, то вопросъ объ одухотвореніи нашихъ пастырей скоро и легко разрѣшился бы».

Авторъ этого воспоминанія, признавая, что въ семинаріи было въ его время, да и сейчасъ есть не мало хорошихъ, преданныхъ дѣлу обученія и воспитанія ввѣренныхъ имъ дѣтей, работавшихъ не за страхъ только, но и за совѣсть,—преподавателей, имѣвшихъ громадное вліяніе на душу своихъ питомцевъ, констатируетъ и наличность такихъ преподавателей, которыхъ даже вспомнить нельзя *), а затѣмъ особую группу преподавателей нечестныхъ и непреданныхъ своему дѣлу. При чемъ послѣднихъ было гораздо больше.

Слѣдующія три воспоминанія принадлежатъ воспитанникамъ семинаріи выпуска 1897 года.

«Учительская корпорація семинаріи, пишетъ первый, развивая въ воспитанникахъ незамѣтно для самихъ себя, особую трудоспособность, не старались вмѣстѣ съ этимъ (за малымъ исключеніемъ) заинтересовать воспитанниковъ своими предметами, преподавая вяло, сухо, безъ любви къ предмету и его слушателямъ

минаній противоположнаго характера?! Воспоминанія о. Сѣверина о. Н. Стойковъ назваль слишкомъ ужъ слащавымъ и приторнымъ восхваленіемъ, а про то забыль, что онъ сказалъ отъ себя предъ передачей воспоминаній о. Сѣверина, что будто-бы о. Сѣверинъ также говоритъ о группѣ преподавателей, сознательно недобросовѣстно относящихся къ своимъ обязанностямъ? Хорошая слащавость, если только онъ сказалъ то, что приписываетъ ему о. Н. Стойковъ!

Цензоръ.

---

*) Въ выраженіи о. Сѣверина: «я не могу забыть І. Мих.» какъ забыль другихъ, особенно съ училища, фамилій которыхъ даже припомнить не могу» заключается другой смыслъ, а не тотъ, который усвояетъ ему авторъ статьи.

Цензоръ.

почему и воспоминаніе о таковой корпораціи сохранилось довольно слабое. Воспитанія же въ семинаріи, можно сказать, не было почти никакого **). Посѣщеніе концертовъ, театровъ, хотя бы и цирковъ преслѣдовалось гораздо въ большей степени, чѣмъ табакокуреніе, пьянство, разгуль, развратъ со всѣми его ужасными послѣдствіями на всю жизнь».

«О семинаріи скажу, пишетъ другой священникъ того же выпуска, впечатлѣніе осталось тяжелое, поступилъ въ нее искренне религіознымъ, а она основательно вытравила это чувство (!). Кромѣ Ильинскаго, никто не оставилъ доброй памяти. Всѣ формалисты, никому не было дѣла до просыпающей юношеской души. Свое разрушающее дѣло семинаріи продолжаетъ съ успѣхомъ и теперь» (!).

Въ обоихъ воспоминаніяхъ рѣзко отрицательное отношеніе къ семинарскому воспитанію и почти отрицательное къ образованію. Авторы воспоминаній останавливаются исключительно на темныхъ сторонахъ семинаріи, причемъ бросаютъ ей такой тяжелый упрекъ, какъ совершенное отсутствіе въ ней воспитанія (одинъ), и еще большей упрекъ—въ вытравливаніи въ питомцахъ чувства религіозности (другой). Упреки тяжелые, но имѣющіе свои основанія. Краски слишкомъ, впрочемъ, сгущены въ приведенныхъ воспоминаніяхъ, поэтому перехожу къ третьему воспоминанію, которое дольше останавливается какъ на положительныхъ, такъ и на отрицательныхъ сторонахъ семинаріи и старается быть болѣе или менѣе объективнымъ.

«Трудно быть вполне объективнымъ, говоритъ авторъ третьяго воспоминанія, когда приходится говорить о школѣ, въ которой провелъ всю молодость и которая, плохо или хорошо, но сдѣлала все, что могла въ предѣлахъ данныхъ ей полномочій и средствъ, а также въ условіяхъ даннаго времени, господствующихъ взглядовъ. Судить о преподавателяхъ тоже не легко. Преподаватели въ семинаріи были такіе же, какъ и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. хорошіе и плохіе, любившіе

***) Объ этомъ и о подобныхъ обвиненіяхъ Семинаріи будетъ сказано ниже.

свое дѣло до самоотверженія и тяготившіеся имъ; смотрѣвшіе на него, какъ на кусокъ хлѣба. Были знатоки своего предмета, которые однако не могли использовать свое знаніе вполнѣ, такъ какъ программа ихъ связывала, связывала ихъ и необходимость разсматривать вопросы исключительно только съ принятой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ точки зрѣнія; такіе преподаватели или уходили при первой возможности или скоро теряли интересъ къ своему предмету и становились ремесленниками, вся задача которыхъ сводилась къ задаванію уроковъ и спрашиванію заданнаго.

Много мѣшало хорошей постановкѣ обученія въ семинаріяхъ и существующій въ нашемъ вѣдомствѣ порядокъ, по которому часто поручалось преподавать предметъ не специалисту, а первому свободному кандидату; специалистъ и знатокъ исторіи преподавалъ, на примѣръ, греческій языкъ, грекъ—богословіе и т. д. Такіе преподаватели не интересовались преподаваемымъ предметомъ, не знали его и не пытались изучить, такъ какъ ждали каждый день назначенія по своей специальности; а такъ какъ въ ожиданіи этого назначенія имъ приходилось преподавать порученный имъ предметъ по нѣскольку лѣтъ, то изъ такого преподаванія выходила только мука, и для преподавателя, и для учениковъ.

Къ недостаткамъ обученія нужно отнести и отсутствіе опредѣленной системы, руководящей общей идеи въ обученіи, по крайней мѣрѣ, намъ, ученикамъ, ея не видно было, мы не чувствовали ея.

Русская художественная литература, исключительная литература по богатству въ ней религіозно-философскихъ и моральныхъ идей, преподавалась такъ, что все лучшее въ ней исчезало для насъ. Такія науки, какъ церковная и гражданская исторія, сводились къ изученію біографій и хронологіи; широкаго освѣщенія историческихъ событій намъ не давали, хода исторіи мы не видѣли; не проводилась даже христіанская мысль, что всѣ историческія событія имѣли то или иное отношеніе и значеніе

въ дѣлѣ домостроительства Божія. А между тѣмъ церковная исторія проходила въ старшихъ классахъ семинаріи.

Тоже было съ богословіемъ и философій. Богословіе преподавалось въ видѣ отвлеченныхъ, сухихъ формулъ, которыя нужно было усваивать почти исключительно памятью. Тѣсная связь между догматическимъ и нравственнымъ богословіемъ, съ одной стороны, и нравственнымъ богословіемъ и жизнью, съ другой, нами не улавливалась. Все это были отдѣльные предметы, отвлеченные, не имѣющіе, казалось тогда намъ, никакого касательства къ жизни⁹⁾.

Философскія теоріи трактовались, какъ легкомысленныя попытки постичь непостижимое, въ родѣ попытки ребенка схватить луну; попытки, несостоятельность которыхъ ничего не стоитъ доказать. И это говорилось 20-лѣтнимъ юношамъ. Результатъ такого преподаванія получался обратный тому, какого добивался преподаватель: мы больше вѣрили философамъ.

---

⁹⁾ Автора этихъ воспоминаній, «старающагося быть болѣе или менѣе объективнымъ», а вмѣстѣ съ нимъ и автора разсматриваемой статьи просимъ вспомнить, что въ періодъ 1892 г. 30 янв. по конецъ 1904 учебнаго года преподавали догматическое и соединенные съ нимъ предметы (значить и нравств. и основное бог.) слѣд. преподаватели: А. Ю. Стадницкій—съ 30 янв. 1892. (1891—92 учеб. г.) по 1 янв. 1896 г., съ 1 февр. 1896 г. по 8 мая 1897 г. Ю. И. Ильинскій и съ 8 мая 1897 г. по конецъ 1904 г.—С. И. Богоявленскій (потому что и по назначеніи его инспекторомъ Киш. семинаріи онъ доканчивалъ преподаваніе своего предмета съ 12 февраля до конца 1904 г.); и сопоставить это съ тѣми мѣстами статьи, гдѣ эти преподаватели восхваляются, особенно Ю. И. Ильинскій и С. И. Богоявленскій. Чему же здѣсь вѣрить: тому-ли, что эти преподаватели были замѣчательно-хороши, или тому, что они плохо преподавали свои предметы?

Цензоръ.

Библиотека для чтенія была довольно обширная, но руководства чтеніемъ не было никакого; систематическихъ классныхъ каталоговъ не существовало. Библиотекой завѣдывалъ ученикъ, книги давались безъ всякой системы, мало сообразовались съ возрастомъ и развитіемъ ученика. Отъ такого чтенія получался одинъ сумбуръ въ головѣ. Прочитывалась масса всякой ерунды, а изъ семинаріи выходили, не зная даже важнѣйшихъ произведеній Пушкина или зная ихъ только по названію; съ богословской литературой дѣло обстояло еще хуже ¹⁰⁾.

Воспитаніе было строго-религіозное, но результаты семинарскаго воспитанія, благодаря неудачнымъ педагогическимъ приемамъ, получались не лучшіе, чѣмъ отъ семинарскаго обученія. Система воспитанія сводилась къ двумъ простымъ формуламъ: это дозволяется, а то запрещается. Рѣдко обращали вниманіе на личность ученика, его индивидуальныя особенности, на его психику.

Возрастъ поступающихъ въ семинарію самый опасный, переходной возрастъ, требующій особеннаго вниманія и заботливости, какъ со стороны воспитателей, такъ и со стороны учителей. Между тѣмъ точно по заранѣе сдѣланному уговору всѣ ¹⁰⁾ Библиотекарями фонд. библиотеки, въ періодъ съ 15 авг. 1887 г., по 1910 г. и далѣе, были преподаватели: С. Д. Маргаритовъ, С. А. Григоровъ, І. В. Борковъ и П. А. Лотоцкій. Ученической библиотекой завѣдывали помощники инспектора, а не ученики (здравствующій пом. инсп. А. Н. Полянскій свидѣтель этого). Примѣнительно къ каждому классу и по каждому предмету рекомендованныя книги преподавателями и Совѣтомъ были списаны на особыхъ листахъ, которые въ рамахъ, подъ стекломъ, вывѣшены были въ каждомъ классѣ. По временамъ нѣкоторые преподаватели рекомендовали ученикамъ и новыя книги; было время, когда нѣкоторыми преподавателями велись и внѣклассныя чтенія. Припомните это и о. воспоминатель и авторъ статьи.

Цензоръ.

тщательно старались забыть объ этомъ, и предоставленные самимъ себѣ юноши въ теченіе именно этого періода разстраивали иногда на всю жизнь свое душевное и физическое здоровье. Сознаніе опасности являлось слишкомъ, къ сожалѣнію, поздно. ¹¹⁾

Другимъ довольно распространеннымъ въ семинаріи, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ принято это думать, порокомъ было пьянство. На пьянство тоже смотрѣли наши воспитатели сквозь пальцы, не въ смыслѣ наказанія (попавшихся наказывали строго), а въ смыслѣ предупрежденія развитія этого порока и разъясненія его пагубности. О послѣднемъ не заботились, напротивъ, были между нашими преподавателями лица, которыя подавали намъ въ въ этомъ отношеніи очень скверный примѣръ. Одинъ изъ этихъ преподавателей однажды даже въ церковь во время литургіи явился въ пьяномъ видѣ и наскандалилъ. *) Съ другимъ преподавателемъ мы встрѣтились въ третьяго разряда кабацкѣ, причемъ онъ нисколько не смутился, а только сказалъ намъ: «ни я васъ, господа, не видѣлъ, ни вы меня», и ушелъ въ другую комнату. Кстати, кабачекъ этотъ мы называли «ставропигіальнымъ» **). Такъ мы примѣняли на практикѣ свои церковно-историческія познанія; характерно это и для нашего религіознаго

---

¹¹⁾ Въ дальнѣйшихъ 41 строкѣ рукописи этотъ воспоминатель говоритъ о возмутительной безнравственности, которая якобы замѣчена была имъ среди поступавшихъ въ 1-й классъ семинаріи изъ училища, около времени окончанія имъ курса, въ 1897 году. Но въ этихъ строкахъ мрачныя краски такъ сгущены и столько въ нихъ несоотвѣтствія дѣйствительности, по сообщенному мнѣ нынѣ засвидѣтельствованію нѣкоторыхъ воспитанниковъ того же времени, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать и лица, близко стоявшія къ учившимся, что помѣщеніе ихъ въ печати мы не нашли возможнымъ.

Цензоръ.

*) Въ состояніи остраго упомѣшательства.

Цензоръ.

***) Хорошимъ хвалятся и мнящій себя благонравнымъ и товарищи его. въ своемъ глазѣ бревна незамѣчающіе.

Цензоръ.

свое дѣло до самоотверженія и тяготившіеся имъ, смотрѣвшіе на него, какъ на кусокъ хлѣба. Были знатоки своего предмета, которые однако не могли использовать свое знаніе вполнѣ, такъ какъ программа ихъ связывала, связывала ихъ и необходимость разсматривать вопросы исключительно только съ принятой въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ точки зрѣнія; такіе преподаватели или уходили при первой возможности или скоро теряли интересъ къ своему предмету и становились ремесленниками, вся задача которыхъ сводилась къ задаванію уроковъ и спрашиванію заданнаго.

Много мѣшало хорошей постановкѣ обученія въ семинаріяхъ и существующій въ нашемъ вѣдомствѣ порядокъ, по которому часто поручалось преподавать предметъ не специалисту, а первому свободному кандидату; специалистъ и знатокъ исторіи преподавалъ, на примѣръ, греческій языкъ, грекъ—богословіе и т. д. Такіе преподаватели не интересовались преподаваемымъ предметомъ, не знали его и не пытались изучить, такъ какъ ждали каждый день назначенія по своей специальности; а такъ какъ въ ожиданіи этого назначенія имъ приходилось преподавать порученный имъ предметъ по нѣскольку лѣтъ, то изъ такого преподаванія выходила только мука, и для преподавателя, и для учениковъ.

Къ недостаткамъ обученія нужно отнести и отсутствіе опредѣленной системы, руководящей общей идеи въ обученіи, по крайней мѣрѣ, намъ, ученикамъ, ея не видно было, мы не чувствовали ея.

Русская художественная литература, исключительная литература по богатству въ ней религіозно-философскихъ и моральныхъ идей, преподавалась такъ, что все лучшее въ ней исчезало для насъ. Такія науки, какъ церковная и гражданская исторія, сводились къ изученію біографій и хронологіи; широкаго освѣщенія историческихъ событій намъ не давали, хода исторіи мы не видѣли; не проводилась даже христіанская мысль, что всѣ историческія событія имѣли то или иное отношеніе и значеніе

въ дѣлѣ домостроительства Божія. А между тѣмъ церковная исторія проходила въ старшихъ классахъ семинаріи.

Тоже было съ богословіемъ и философійей. Богословіе преподавалось въ видѣ отвлеченныхъ, сухихъ формулъ, которыя нужно было усваивать почти исключительно памятью. Тѣсная связь между догматическимъ и нравственнымъ богословіемъ, съ одной стороны, и нравственнымъ богословіемъ и жизнью, съ другой, нами не улавливалась. Все это были отдѣльные предметы, отвлеченные, не имѣющіе, казалось тогда намъ, никакого касательства къ жизни⁹⁾.

Философскія теоріи трактовались, какъ легкомысленныя попытки постичь непостижимое, въ родѣ попытки ребенка схватить луну; попытки, несостоятельность которыхъ ничего не стоитъ доказать. И это говорилось 20-лѣтнимъ юношамъ. Результатъ такого преподаванія получался обратный тому, какого добивался преподаватель: мы больше вѣрили философамъ.

⁹⁾ Автора этихъ воспоминаній, «старающагося быть болѣе или менѣе объективнымъ», а вмѣстѣ съ нимъ и автора разсматриваемой статьи просимъ вспомнить, что въ періодъ 1892 г. 30 янв. по конецъ 1904 учебнаго года преподавали догматическое и соединенные съ нимъ предметы (значить и нравств. и основное бог.) слѣд. преподаватели: А. Ю. Стадницкій—съ 30 янв. 1892. (1891—92 учеб. г.) по 1 янв. 1896 г., съ 1 февр. 1896 г. по 8 мая 1897 г. Ѳ. И. Ильинскій и съ 8 мая 1897 г. по конецъ 1904 г.—С. И. Богоявленскій (потому что и по назначеніи его инспекторомъ Киш. семинаріи онъ доканчивалъ преподаваніе своего предмета съ 12 февраля до конца 1904 г.); и сопоставить это съ тѣми мѣстами статьи, гдѣ эти преподаватели восхваляются, особенно Ѳ. И. Ильинскій и С. И. Богоявленскій. Чему же здѣсь вѣрить: тому-ли, что эти преподаватели были замѣчательно хороши, или тому, что они плохо преподавали свои предметы?

Цензоръ.

настроения. Последнее намъ никакъ не давалось. Все время намъ говорили о Богѣ, о религіи и нравственности; служили въ церкви часто и истово, въ особенности образцовымъ въ этомъ отношеніи былъ ректоръ семинаріи, о. Яновскій, но все это мало на насъ дѣйствовало, чувствовалось, что чего то, и при томъ самаго главнаго, въ нашемъ религіозномъ воспитаніи не хватало, и мы вели себя хуже тѣхъ, у которыхъ спеціального религіознаго воспитанія и образованія не было. Вели мы себя въ церкви безъ особаго благоговѣнія, сплошь и рядомъ во время литургіи разсказывали анекдоты, читали книги, газеты и т. п. Конечно, это дѣлалось не всѣми, я даже не скажу, чтобы это дѣлало большинство, но очень многіе такъ себя вели, а остальные этимъ не возмущались¹²⁾.

У нѣкоторыхъ изъ нашихъ воспитателей существовалъ очень оригинальный взглядъ на воспитаніе. Приведу очень интересный случай для характеристики такого взгляда. Случай типичный:

Въ театрѣ ходить нельзя было, но въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ разрѣшали. Шла пьеса Шекспира, кажется, «Гамлетъ». Преподаватель словесности посоветовалъ намъ попросить разрѣшенія у инспекціи пойти въ театрѣ. Пошли мы — три человека къ одному изъ представителей инспекціи и изложили свою просьбу, подчеркнувъ, что идемъ въ театрѣ по предложенію преподавателя, что пьесу необходимо намъ посмотреть, такъ какъ придется ее изучать (!).

---

¹²⁾ Въ слѣдующихъ за симъ 5 строкахъ воспоминатель выпуска того же 1897 года говоритъ о случаяхъ невообразимаго кощунства, якобы намѣренно допущеннаго нѣкоторыми воспитанниками семинаріи, хотя этотъ воспоминатель категорически и не утверждаетъ этого, выражаясь «среди учениковъ говорили объ этомъ (т. е. кощунствѣ)»... Этихъ строкъ мы не рѣшились допустить къ печати, щадя внутреннее, христіанское чувство, которое можетъ возмутиться даже въ человекѣ, мало-мальски религіозномъ.

«Въ театрѣ васъ пустить не могу», отвѣтилъ намъ представитель инспекціи, «вотъ къ дядѣ или какому нѣкому родственнику я могу отпустить до 12 часовъ ночи и позже». Мы сначала не сообразили, при чемъ тутъ какой то дядя и родственники и возразили, что къ сожалѣнію, въ городѣ у насъ родственниковъ нѣтъ, да если бы и были, мы сейчасъ посѣщать ихъ не собираемся, а просимъ отпустить насъ въ театрѣ.

«Но я же говорю вамъ, что въ театрѣ пустить я не могу, вотъ къ родственникамъ съ удовольствіемъ», твердилъ онъ свое. И когда мы все еще не догадывались, въ чемъ дѣло, представитель инспекціи, уже видимо раздражаясь нашей недогадливостью, поясняетъ: «ну, вотъ и проситесь къ роднымъ въ городѣ. М., обратился онъ къ одному изъ насъ, скажите: N. N. позвольте намъ къ дядѣ до 1 часа ночи». Тотъ, наконецъ догадывается и повторяетъ эти слова: «Къ дядѣ можно, вздыхаетъ облегченно представитель инспекціи, только, когда вернетесь заявитеся дежурному надзирателю»¹³⁾.

Такие чисто іезуитскіе приемы считались вполне педагогическими и ими пользовались наши воспитатели довольно часто. Между

---

¹³⁾ Да, съ воспоминателемъ можно согласиться, что случай, о которомъ онъ рассказаль, типичный, если онъ кѣмъ-либо не измышленъ и не повторенъ съ чужихъ устъ. Жаль, что воспоминатель не говоритъ, въ какомъ это было году; но если свѣ, какъ называетъ его авторъ разсматриваемой статьи, воспитанникъ 1897 года (т. е. 1896—97 учеб. года), то, значить, онъ изучаль исторію литературы въ 1892—93 учеб. году. Если это такъ, то рассказанный случай могъ имѣть мѣсто въ періодъ дѣйствованія инспекціи 1890—1903 г., т. е. тогда, когда для упомянутаго разрѣшенія требовалась только записка преподавателя и не было нужды ни въ обманѣ инспекціи со стороны учениковъ, ни въ іезуитскомъ приѣмѣ со стороны представителя инспекціи. По полученіи записки отъ преподавателя, ученики отпускались въ киш. благородное соб-

учащимися и учащими было взаимное недоверіе, отчужденность. Учащіе были недоступны и никто изъ нихъ не дѣлалъ попытокъ сблизиться съ учениками. Учащіе жили своей обособленной жизнью, учащіеся своей, поэтому и особеннаго моральнаго вліянія первые не могли имѣть на послѣднихъ.

Неоспоримымъ достоинствомъ семинарскаго воспитанія было то, что оно приучало къ труду учащихся, къ серьезности, къ добросовѣстному прохожденію положеннаго курса. Хотя, кажется, въ послѣднее время и этого достоинства уже нѣтъ или мало. О нѣкоторыхъ преподавателяхъ остались самыя свѣтлыя воспоминанія, несмотря даже на нѣкоторыя ихъ недостатки, о другихъ непріятныя, не враждебныя, а именно непріятныя.

Перечислять тѣхъ и другихъ считаю неудобнымъ, по понятнымъ, полагаю для всѣхъ причинамъ.

Въ этомъ довольно длинномъ воспоминаніи, не смотря на всѣ попутныя оговорки, смягченія, стремленіе быть безпристрастнымъ, въ сущности указываются почти тѣже недостатки обученія и воспитанія семинарскаго, какія указывались только въ болѣе рѣзкой формѣ и въ предыдущихъ двухъ воспоминаніяхъ.

раніе посмотрѣть игру *хорошей* труппы, но не иначе, какъ съ помощникомъ инспектора, съ которымъ они должны были и возвратиться. Многіе изъ воспитанниковъ семинаріи, даже изъ выдававшася вып. 1897 г., знали, что инспекторъ того періода не училъ учениковъ лгать и самъ примѣра въ этомъ имъ не показывалъ. Еще есть въ живыхъ помощники инспектора, которымъ это должно быть извѣстно. Могло быть наоборотъ: приходили отпроситься къ какимъ нибудь родственникамъ, а инспекторъ, на основаніи существовавшихъ въ семинаріи правилъ, понялъ, что они хотятъ отправиться въ театръ или циркъ и не разрѣшилъ имъ отпуска и тѣмъ возбудилъ со стороны этихъ учениковъ неудовольствіе къ себѣ, и до сего времени гнѣздящееся въ ихъ добрыхъ сердцахъ.

Цензоръ,

Бесѣда 27-я.

О вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ.

Нѣкоторые говорятъ, что вѣчныхъ мукъ не будетъ, и что Господь угрожаетъ ими лишь для того, чтобы въ грѣшниковъ страхъ вселить. Но такъ ли все это на самомъ дѣлѣ?

Св. Златоустъ говоритъ: „нѣкоторые изъ грѣхолюбцевъ говорятъ, что вѣчныхъ мукъ не будетъ. Таковые съ еретиками осудятся... Что вѣчныя муки будутъ, то показалъ Господь, наказывая грѣшниковъ еще и въ сей жизни. Такъ, за грѣхи свои мы принимаемъ наказаніе и нынѣ: или несчастная для насъ война бываетъ, или пожаръ, или голодъ, или падежъ скота, или смерть посѣщаетъ наши семьи, или отъ болѣзней мы страдаемъ. Все это и нынѣ приходитъ къ намъ за наши грѣхи. Кромѣ указаннаго, бываетъ, и огонь насъ попалаетъ, и вода

потоплаетъ, и громъ и молнія поражаютъ... И это въ сей жизни... А въ будущей мука вѣчная грѣшниковъ ожидаетъ. И вѣруйте, бр., что подлинно мука вѣчная ждетъ грѣшниковъ. Спроси жидовъ и еретиковъ и, наконецъ, самихъ бѣсовъ и они скажутъ тебѣ единогласно, что есть судъ и мука и воздаяніе каждому по дѣламъ его и что грѣшниковъ Богъ наказываетъ, а праведниковъ вѣнчаетъ славою. Такъ увѣрь же свою душу и научи ее не выдумывать ложныхъ ученій. Адамъ до грѣха не испытывалъ мученій и не слышалъ о нихъ. А мы тысячу разъ слышали о нихъ и все-таки вотъ вѣры не имѣемъ. Мы слышали о братоубійцѣ-Кайнѣ, о томъ, какъ погибъ родъ человѣческой ради скверныхъ грѣховъ, слышали о гибели Содома и Гоморры. Но слышали также, что Ной за свою праведность избавленъ былъ отъ потопа, а Лотъ отъ огня. Значитъ, вы должны были убѣдиться, что Богъ правосуденъ и праведниковъ хранитъ, а нечестивыхъ наказываетъ. Да и здѣсь, на землѣ, вы видите, что злодѣи не остаются безъ наказанія. О, братіе, вѣруйте истинно, что есть грѣшнымъ мука, и пусть примѣръ Содомлянъ напоминаетъ вамъ ее.

Итакъ, бр., несомнѣнно, что вѣчныя муки для грѣшниковъ будутъ, и грѣшникамъ ихъ не избѣжать. И эти муки будутъ ужасны. „Это будетъ, говоритъ одинъ изъ учителей церковныхъ, мучительнѣйшее ощущеніе пустоты и томленія въ сердцѣ и чувство нестерпимой жажды безъ надежды утолить ее; это будетъ еще горькое воспоминаніе о прошедшей жизни, ясное и безотрадное представленіе своихъ грѣховъ, которые явятся тогда предъ сознаніемъ во всей отвратительной наготѣ своей и безо-

лите злыя дѣянiя ваши отъ очей моихъ, перестаньте дѣлать зло; научитесь дѣлать добро, ищите правды. Тогда если будутъ грѣхи ваши, какъ багряное, какъ снѣгъ убѣлю. И если послушаетесь, то будете вкушать блага земли“ (1, 16—19). Выслушавъ это, я умилился душею и сказалъ Богу въ мысляхъ моихъ: „Ты единъ еси, Боже, пришедый на землю грѣшныя спасти! Якоже прежде пророкомъ глаголя, се нынѣ дѣломъ скончай о мнѣ грѣшнѣмъ и недостойнѣмъ. Се бо отселѣ даю Ти слово, обѣщаяся усты и сердцемъ исповѣдаяся, яко не имамъ ктому того сотворити зла, но отметаюся всякаго беззаконiя, и поработаю Ти съ чистою совѣстію. Днесъ убо, Владыко, прiими мя кающагося и отгребающагося отъ всякаго зла“. И съ сими мыслями, заканчилъ рѣчь свою инокъ, я вышелъ изъ церкви, осудивъ душу мою и давъ обѣщаніе предъ Богомъ впредь не грѣшить“. Всѣ прославили Бога.

Такъ, братіе, скоропоспѣшенъ Господь на милость къ истинно кающимся! Прославимъ Его неизреченное милосердіе и не преминемъ воспользоваться имъ. Поспѣшимъ къ благодатному источнику и омоемъ нечистоту душъ нашихъ. Ибо, когда сильно загрязнится тѣло, должно непременно скорѣе омыть его, чтобы нечистота не произвела болѣзнь. Но несравненно болѣе мы должны заботиться объ очищеніи души отъ нечистоты грѣховной, чтобы грѣхи не возобладали надъ нами, не обратились въ смертоносную болѣзнь и не лишили душу благодатной жизни. Воспрянемъ же отъ сна грѣховнаго и отверземъ Христу сердца наши. По Своему неизреченному милосердію, Онъ несомнѣнно придетъ и очиститъ насъ и обитель въ насъ сотворитъ, и тогда возрадуемся радостію велиею, и радости сей никтоже возьметъ отъ насъ. Аминь,

(Сост. по книжкѣ ПРОЛОГЪ въ поученiяхъ прот. *В. Гурьева*).

Издание Кишиневского Православного Христо-Рождественского Братства.

Листки выходят еженедельно. Цена каждого листка 2 коп.; за 100 листовъ 1 руб. 50 коп. съ пересылкою 1 руб. 70 коп.

Адресъ: Кишиневъ. Въ Совѣтъ Кишиневского Православного Христо-Рождественскаго Братства.

Оттуда же можно выписывать листки на всѣ двенадцатые праздники (№№ 1—14), на время св. сорокадвятицы и на подготовительныя къ ней недѣли (№№ 15—26), противъ пьянства, сквернословія и другихъ пороковъ (№№ 27—33), о проводеніи праздничныхъ дней (№№ 84—89), о молитвѣ (№№ 90—109), объясненіе молитвъ (№№ 110—114), Божія Матерь, Ангелы (№№ 115—119), молитва за усопшихъ (№№ 10), о крестномъ знаменіи и о крестѣ (№№ 121—124), молитвенные поклоны и о тѣнствахъ православной Церкви (№№ 125—136), Церковное напутствіе умершихъ (№ 137), о храмѣ Божіемъ (№№ 138—140), слова и поученія на всѣ воскресные дни въ году (№№ 141—196), чуде а святителя Феодосія Черниговскаго до его прославленія (№№ 197—206), катихизическія поученія за символъ вѣры (№№ 207—234), на молитву Господню (245—243); на заповѣди блаженства (№№ 244—256) и на заповѣди Закона Божія (257—276), приложеніе къ листкамъ на современныя темы №1—94), объясненія богослуженія—вечерни, утрени и литургіи (№№ 277—309), Саровскія Торжества и чудеса при открытіи мощей Прп Серафима (№№ 310—315), о св. праотцахъ и пророкахъ ветхаго завѣта, о Спасителѣ, о св. апостолахъ, о святыхъ женахъ, о св. мученикахъ, подвижникахъ, о семейной жизни, въ наставленіе слугамъ и рабочимъ, и проч.

№ 559.

Издание Совѣта Кишиневского Православного Христо-Рождественскаго Братства.

Печатать разрѣшается. Кишиневъ. 24 августа 1915 года.

Цензоръ протоіерей К. Поповичъ.

Печатано въ Кишиневской Епархіальной типографіи, Харалампіевская 42.

В О Р О А В А 27-л.

Деспре мунчеле челе вѣчнице але пѣкътошилор.

Уній зик, къ мунчеле челе вѣчнице ну вор фи, ши къ Домнул ъфрикопашъ ку яле нумай пентру ачя, къ пѣкътошій съ фие куприншій де спаймъ. Дар оаре аша есте ачаста ку бунъ самъ?

Сфѣнтул Іоанн Гурѣдеаур ворбеще: „уній дин юбиторій де пѣкате ворбеск, къ мунчеле челе вѣчнице не вор фи. Ачещія ку еретичій (*) съ вор осѣнди... Къ мунчеле челе вѣчнице вор фи, ачаста Думнезеу ау арѣтат, педепсинд пре чей пѣкътошій ъкъ ши ъ вѣяца ачаста. Аша центру пѣкателе ноастре ной прѣймим педяпсъ ши акум: съ ътѣмпль орь бѣтъліе (рѣзбой)

(*) Ынвѣцѣторій недрепцй, минчиношй, карій, дежгинындусе ши депър-тындусе де бисерикъ, ынѣацъ ынпротива адевѣратей ынвѣцѣтурей бисеричещй.

ненорочить ши неспоритоаре пентру ной, орь пожар, орь
 фоамете, орь зъкаре вителор, орь моартя черчетязъ пре кас-
 ничій ношрїй, орь де боале пѣтимим. Тоате ачесте ши акум
 не ажунг пре ной пентру пѣкателе ноастре. Афаръ де челе че
 сау арѣтат, съ ѡтѣмплъ, къ фокул пре ной не арде, ши апа
 не ѡнякъ, ши тунетул ши сиѣята не учиц... Ши ачесте ѡтру
 ачаста віяць... Дар ѡ чѣ віитоаре пе пѣкътошї ый ашяпть
 мунка чѣ вѣчникъ. Ши кредецї, фрацилор, къ ку адевѣрат
 мунка чѣ вѣчникъ ый ашяпть пре чей пѣкътошї. ѡтрябъ пе
 жидовї ши пре еретичї ши, май ла урмъ, пре сингурї лсушї
 драчїй, ши ей ѡтру ун глас ыцї вор спуне цїе, къ есте жуде-
 кать ши мункъ ши рѣсплѣтире фїещекѣруя дупъ фаптеле луй
 ши къ пре чей пѣкъторшї. Думнезеу ый пѣдепсеше, дар пре
 чей дрепцї ый ѡкунунязъ ку славъ. Апой ѡкрединцазицї дар
 суфлетул тѣу ши ыл ѡваць пре дѣнсул а ну май стѣрни ши
 а искоди ѡвѣцьтурї минчиноасе. Адам пѣн ла къдеря са ѡ
 пѣкат ну ау суферит мунчї ши ничї ну ау аузит де яле. Дар
 ной о мїе де орь ам аузит де яле ши ять тот атунчя крединць
 ну авем. Ной ам аузит де Каин—учигѣторюл де фрате, деспре
 ачeya, кум сау прѣщѣдит нямул оменеск центру пѣкателе челе
 спуркате,—деспре пїерзаря Содомулуй ши а Гомморей. Дар
 ашиждеря ам аузит, къ Ной пентру дрептатя (віецїй) ау
 фост избѣвит дин потоц, дар Лот де фок. Вра съ зикъ, вой дѣ-
 торї синтецї съ въ ѡкрединцацї, къ Думнезеу есте Дрептул
 Жудекѣторї ши пре чей дрепцї ый пѣзеше, дар пре чей пѣ-
 кътошї ый пѣдепсеше (бате). Да ши аичя, пре пѣмѣнт, вой
 ведецї, къ фѣкъторїй де рѣу ну рѣмѣн фѣръ де пѣяпсъ (бѣ-
 тае). О, фрацилор, кредицї адевѣрат, къ есте мункъ пентру
 чей пѣкътошї ши пилда Содомленилор ласъ съ въ адукъ воуѣ
 аминте де ачаста.

Ши аша, фрацилор, ну есте ничї о ѡдоялъ, къ мунчеле
 челе вѣчниче пентру чей пѣкътошї вор фи ши пѣкътошїй де
 яле ну вор скѣца. Ши мунчеле ачесте вор фи ѡфрикошате.
 „Ачаста ва фи,—ворбеше унул дин ѡвѣцьторїй бисеричешї,—

чѣ май мунчитоаре симцире а пүстїетѣцій. дешертѣчуней ши
 Греутѣцій ꙗ инимѣ ши дорире де а потоли сѣтя, фѣръ де нѣ-
 лежде а о пѣрси пре я; ачаста лкъ ва фи амарѣ адучере
 аминте деспре вїяца чей трекутъ, лѣмуритѣ ши фѣръ де бу-
 курїе ꙗкинуиря пѣкателор сале, каре сѣ вор арѣта атунча ꙗ-
 наинтя куношинцей ноастре ꙗ тоатѣ слүцѣнїя ши голичуня са
 чѣ урѣтъ, ачесте (адекѣ, мунчеле челе вѣчниче) вор фи мустрѣ-
 риле челе ꙗфрикошате а куношинцей ши чѣ май мунчитоаре,
 пре лѣнгѣ алтеле, ши фѣръ де ничѣ ун фолос пѣрере де рѣу
 пентру время чѣ прѣпѣдитѣ ши пентру кѣиле че мижлоче
 спре а добѣнди вѣчничимя чѣ фѣричитѣ ши май ла урмѣ,—
 симциря чѣ грѣ а мѣнїей лүй Думнезеу. Апой тоате ачесте
 адунате ши вор фи ачел вїерме неадормит, кареле,—дупѣ ку-
 вѣнтул Скриптурей,—ва роаде, ва мѣнка атунча инимеле пѣ-
 кѣтошилор (Марк. ІХ, 44—46);—вор фи ачел нѣказ, скѣрбѣ
 ши стримтораре, каре, дупѣ кувѣнтул Апостолүлүй, ащянтѣ пре
 фѣкѣторїй де рѣу (Ром. 2, 9) ши вор фи причинѣ а плѣнѣ-
 рей чей амарѣ ши а скрѣшнїрей динцилор, деспре каре але-
 сеорї сѣ повестече ꙗ сфѣнта Евангелїе (Матѣ. 22, 13) (Бого-
 словїя а лүй Антонїе филеле 269—270).

О, Доамне, мѣнтуешене пре ной де мунчеле челе вѣчниче
 ши де фокул гееней; о, Доамне, ꙗтру покѣинцѣ прїмешене
 пре ной, дѣне ноуѣ куѣетул мѣртурисирей пѣкателор ноастре
 ши сѣлѣшлүеще ꙗтру ной рѣдѣчина ачелор буне (бунѣгѣцилор),
 фрика Та ꙗтру инимеле ноастре! Амин.

Сау тѣлмѣчит де преотүл **М. Игнатїев.**

(Дин картя „ПРОЛОГУЛ ын ынвѣцѣтурї“ а протоїереулүй
 В. Гүрїев).

Типъриря Фръциміи Православниче а Нащериі луй Христос дин ора-
шуа Кишинъу.

Болишоареле есъ А фіекаре съпгъмънъ. Прецул фіекърей колишоаре
3 кап. 100 де болишоаре 1 руб. 50 де кап.; ку триметеря 1 руб. 70 де кап.

Адреса: Кишинъу. А Сфатул Фръциміи Православниче а Нащериі луй
Христос дин Кишинъу.

Де аколо ашиждеря се пот чере: болишоаре (Филишоаре) ла тоате челе
доуъспрезече сърбъторіи (№ 1—14), ла время сф. Патрузочиміи ши ла думи-
ничяле челе де прегътире кътръ джиса (челе де Авантя ей, №№ 15—26),
Апротива беці-й, а кувинтелор челор спуркате ши а алтор прахане (№№
27—83), пентру петрезеря зилелор сърбъторилор (№№ 84—89), пентру ру-
гъчуне (№№ 90—109), тълкуиря ругъчунилор (№№ 100—114), Майка
луй Думнезеу. Ацеріи (№№ 115—119), ругъчуня пентру чей адорниціи
(120), пентру семнул кручіи ши пентру круче (№№ 121—124), вороаве
деспре ругъчуніи, пентру тайнеде православничей Бисеричіи, (№№ 125—136),
петречеря бисеричаскъ а челор морціи (№ 137), пентру бисерика луй Дум-
незеу (№№ 138—140), кувинте ши Авъцътуріи ла тоате думничяле де
престе ан (№№ 141—146), минуняле сф. іерарх. Θεодосіе дела Черниго-
(№№ 197—206), тълкуиря Символулуй Крединціи (№№ 207—234), тълку-
иря ругъчуніи Домнулуй (№№ 235—243); тълкуиря феричирилор (№№ 244
— 256), тълкуиря порунчалор деціи (№№ 257—276); Авъцътуріи деспре
службеле бисеричешіи, (№№ 277—309). Минуняле кувіосулуй Серафим дин
Саров (№№ 310—315), адациріи ла колишоаре пентру лукруриле челе дин
время де акул (№№ 1—94). Авъцътура: деспре сф. тайне, вороаве дес-
пре сф. естръмошіи ши пророчіи а лежей чей веке, деспре віяца нъмънтаскъ а
Мавтунторюлуй, деспре сф. апостоліи, деспре сф. фемей, деспре сф. мученичіи,
деспре мъртуриситоріи, невоиторіи ши деспре сф. църинціи. деспре віяца, касникъ,
деспре повъуря слүцилор ши а лукръторилор ши алтеле.

№ 560.

Изданіе Совѣта Кишиневскаго Православнаго Христо.-Рождественскаго Братства

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 24 августа 1915 года.

Цензоръ протоіерей К. Поповичъ.

Печатано въ Кишиневской Епархіальной типографіи. Харлампіевская ул. № 42

Бесѣда 26-я.

О томъ, сколь спасительно сокрушеніе сердца и печаль
о грѣхахъ.

Ненапрасно слово Божіе и св. Отцы, говоря о нечистотѣ души, сравниваютъ ее съ нечистотою тѣлесною, и ненапрасно, говоря о покаяніи грѣшника и объ очищеніи сквернъ грѣховныхъ покаяніемъ, сравниваютъ это очищеніе съ омовеніемъ тѣлеснымъ. Въ самомъ дѣлѣ: какъ нечистота тѣлесная вредна для здорова, непріятна для постороннаго взора и можетъ быть болѣзненно заразительною для другихъ; такъ и нечистота грѣховная и убійственна для души, и противна людямъ добродѣтельнымъ, и также можетъ быть пагубна для многихъ. И какъ омовеніе тѣлесное способствуетъ здоровью тѣла и дѣлаетъ видъ его свѣтлымъ и пріятнымъ; такъ и омовеніе души отъ сквернъ грѣховныхъ способствуетъ спасенію души и бываетъ благотворно и для постороннихъ, подавая

имъ спасительный примѣръ, возбуждая въ нихъ доброе соревнованіе. Еще прибавимъ: омовеніе тѣла можно совершить скоро; равно когда коснется благодать Божія сердца грѣшника, скоро совершается и омовеніе души. Послѣднее мы покажемъ примѣромъ. Блаженный отецъ Павель, именуемый Простый, передавалъ слѣдующій случай изъ своей жизни. Разъ онъ пошелъ въ нѣкоторый монастырь навѣстить братій и пришелъ въ то время, когда они входили въ церковь къ богослуженію. Такъ какъ онъ обладалъ даромъ прозорливости, то и узнавалъ, кто въ какомъ видѣ и съ какимъ расположеніемъ духовнымъ входитъ въ храмъ. Онъ видѣлъ, что всѣ входили съ свѣтлымъ лицомъ, и Ангелы-Хранители съ радостію сопровождали ихъ. Но тутъ же онъ увидѣлъ нѣкотораго брата, входящаго въ церковь чернымъ, бѣсовъ надругающихся надъ несчастнымъ и Ангела издалека слѣдующаго за нимъ. Смотря на это, Павель опечалился и горько заплакалъ. Братія сіе замѣтили и стали умолять, чтобы преподобный открылъ имъ причину плача и вошелъ въ церковь. Но Павель не далъ имъ отвѣта и остался по прежнему у вратъ церковныхъ. Кончалась служба, всѣ вышли изъ церкви, съ ними и братъ грѣшный. Но каково же было удивленіе Павла, когда онъ увидалъ его чистымъ и свѣтлымъ, бѣсовъ далече отъ него отстоявшихъ и Ангела Божія, сопровождающаго его съ великою радостію! Павель началъ громко славить Бога; иноки окружили его и онъ разсказалъ имъ, въ какомъ состояніи онъ увидѣлъ входящимъ упомянутаго брата и въ какомъ выходящимъ. Послѣ этого и самый братъ былъ спрошенъ и передалъ слѣдующее: „я—человѣкъ грѣшный и всѣ дни жизни моей, даже доселѣ, провелъ въ скверныхъ дѣянїяхъ. Но, вошедши нынѣ въ церковь, я услышалъ чтеніе изъ книги пророка Исаи: „омойтесь, очиститесь; уда-

бразіи, ужасные упреки совѣсти и мучительнѣйшее, впрочемъ, бесполезное сожалѣніе о потерянномъ времени и средствахъ къ приобрѣтенію блаженной вѣчности и, наконецъ, тяжкое чувство гнѣва Божія. Сіе то все конечно составитъ того неусыпаемаго червя, который, по слову Писанія, будетъ точить тогда сердца грѣшниковъ (Мар. 9, 44—46), составитъ ту скорбь и тѣсноту, которыя, по слову Апостола, ожидаютъ творящихъ злое (Рим. 2, 9) и будутъ причиною того горькаго плача и скрежета зубовъ, о которыхъ часто говорится въ Евангеліи (Мѡ. 22, 13), (Богословіе, Антонія, стр. 269—270).

О, Господи, избави насъ вѣчныхъ мукъ и огня гееннскаго; о, Господи, въ покаяніи пріими насъ, даждь намъ помысль исповѣданія грѣховъ нашихъ и всели въ насъ корень благихъ, страхъ Твой въ сердца наши! Аминь.

(Сост. по книжкѣ ПРОЛОГЪ въ поученіяхъ

протоіерея В. Гурьева).

Изданіе Кишиневскаго Православнаго Христо-Рождественскаго Братства.

Листки выходятъ еженедѣльно. Цѣна каждаго листка 2 коп.; за 100 листовъ 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 1 руб. 70 коп.

Адресъ: Кишиневъ. Въ Совѣтъ Кишиневскаго Православнаго Христо-Рождественскаго Братства.

Оттуда же можно выписывать листки на всѣ двенадцатые праздники (№№ 1—14), на время св. четырехдесятницы и на подготовительныя къ ней недѣли (№№ 15—26), противъ пьянства, севернословія и другихъ пороковъ (№№ 27—83), о прѣпровожденіи праздничныхъ дней (№№ 84—89), о молитвѣ (№№ 90—109), объясненіе молитвъ (№№ 110—114), Божія Матерь, Ангелы (№№ 115—119), молитва за усопшихъ (№№ 120), о крестномъ знаменіи и о крестѣ (№№ 121—124), молитвенныя поклоны и о таинствахъ православной Церкви (№№ 125—136), Церковное напутствіе умершихъ (№ 137), о храмѣ Божіемъ (№№ 138—140), слова и поученія на всѣ воскресные дни въ году (№№ 141—196), чудеса святителя Θεодосія Черниговскаго до его прославленія (№№ 197—206), катихизическія поученія на символъ вѣры (№№ 207—234), на молитву Господню (235—243); на заповѣди блаженства (244—256) и на заповѣди Закона Божія (257—276), приложение къ ствамъ на современныя темы № 1—94), объясненія богослуженія—вечерни, утрени и литургія (№№ 277—309), Саровскія Торжества и чудеса при открытіи мощей Пророка Іоанна Крафима (№№ 310—315), о св. праотцахъ и пророкахъ ветхаго завѣта, о Спасителѣ, о св. апостолахъ, о святыхъ женахъ, о св. мученикахъ, подвижникахъ, о семейной жизни, въ наставленіе слугамъ и рабочимъ, и проч.

№ 560.

Изданіе Совѣта Кишиневскаго Православнаго Христо-Рождественскаго Братства

Печатать дозволяется. Кишиневъ. 24 августа 1915 года.

Цензоръ Протоіерей К. Поповичъ.

Печатано въ Кишиневской Епархіальной типографіи. Харалампіевская 42.

КОРОАВА І 26-ЧК.

Деспре ачел, кѹм ѱѱ де мжнтѹнтоаре ѱфржнѹерѹ
инимей ши ѱтрнстарѹ пентрѹ пѹкате.

Ну дѹдар кувжнтул луй Думнезеу ши сфинѹѱ Пѹринѹѱ,
ворбинд деспре курѹѹѱ суфлетулуй, о потривеск пре я ку не-
курѹѹѱ трупяскѹ, ши ну дѹдар ворбинд деспре покѹинѹа пѹ-
кѹтосулуй ши деспре курѹѹѱ де спуркѹчунеле пѹкателор прив
покѹинѹѹ о потривеск курѹѹѱ ачаста ку спѹларя чѹ трупя-
скѹ. Ку бунѹ самѹ: дупѹ кум некурѹѹѱ чѹ трупяскѹ ыѱ вѹ-
тѹмѹтоаре ши стрикѹтоаре пентру сѹнѹгате, ыѱ урѹтѹ пентру
ведеря алтора—а стреинелор ши поате сѹ фие липитоаре ку
во боаль пентру алѹѱ; аша ши некурѹѹѱ пѹкателор ыѱ ши
учигѹтоаре пентру суфлет ши ыѱ урѹтѹ оаменилор челор бунѱ,
ши ашиждеря поате сѹ фие пѱерзѹтоаре центру мулѹѱ. Ши дупѹ
кум спѹларя чѹ трупяскѹ ажиторѹ сѹнѹтатей трупулуй ши фа-
че ведеря луй луминоасѹ ши прѱнчоасѹ: аша ши спѹларя

суфлетулуй де спуркъчунеле пъкательор ажуторязъ мжнтуирей
суфлетулуй ши есте де фолос ши центру чей стрейнй, джнд
лор пилдъ мжнтуитоаре, стърнинд ши ацицинд ѓтржншйй ржв-
нъ бунъ. Лкъ вом май адаоцъ: спъларя трупулуй съ поате де
фъкут ръпседе, асеменя ши аичя, кжнд съ ва атинде дарул чел
Думнезееск де инима пъкатоцулуй, апоу деграбъ съ фаче ши
спъларя суфлетулуй. Ачаста де пеурмъ, адекъ спъларя суфле-
тулуй вом арътаво ѓ пилдъ. Феричитул пърштеле Павел, че съ
нумеще Прост, повестеше деспре урмътоаре ѓтжмиларе дин
вияца са. Одатъ ел сау дус ѓ оаре каре мънъстире, ка съ чер-
четезе пре фрацй ши ау венит ѓтру ачъ време, кжнд ей ѓтра
ѓ бисерикъ ла служба Думнезеекъ. Фивнд къ ел авъ дарул а
преведерйй ѓнаинте, апоу ши кунощъ, чине ѓ че киш ши ку че
плекаре ши ку че куцете ѓтръ ѓ бисерикъ. Ел ау възут, къ
тоцй ѓтра ку фецеле луминате ши ѓцерйй—Пъзиторйй ку бу-
курйе ый петрече пре джншйй. Дар тот аичя ау възут пре оаре
каре фрате, кареле ѓтра ѓ бисерикъ негру ши пре драчй, ка-
рйй-шйй фъчъ ржс (ыл батжокоръ) де ненорочитул ши пре ѓце-
рул; кареле де департе мерцъ ѓ урма луй. Уйтжндусъ ла ачаста.
Павел сау ѓтристат ши ау плжнс ку амар. Фрацйй ау луат са-
ма ачаста ши ау ѓчепут ал руга, ка прекувиосул силе дескопере
лор дин чъ причинъ ел плжнце ши съ ѓтре ѓ бисерикъ. Дар
Павел ну ляу дат лор ръспунс ши ка ши ѓнаине ау ръмас ла
ушиле бисеричешйй. Служба сау сфжршит, тоцй ешъ дин бисерикъ,
ку джншйй ши фрателе чел пкътос. Дар кум де таре сау ме-
рат Павел, кжнд лау възут пре джнсул курат ши луминат, пре
драчйй, карйй ста департе дела джнсул ши пре ѓцерул луй Дум-
незеу, кареле ыл петрече пре джнсул ку букурйе маре! Павел
ау ѓчепут ѓтру ауз а слъви пре Думнезеу; кълугърйй лау ѓкуи-
журат пре джнсул, ши ел ляу спус лор, ѓ чъ старе ел лау
възут пре фрателе ачела, кжнд ѓтра ел ши кжнд ешъ. Дунъ
ачаста ши сингур ѓсушйй фрателе ау фост ѓтребат ши ау спус
ачаста: „еу синт ом пкътос ши тоате зилеле висцйй меле кяр,
ши пън акум, аѓ петрекут ѓ фапте спуркате. Дар ѓтржнд акум

Љ бисерикъ, еу ам аузит четири дин картя а сфжнтулуй Пророк Исаіе: „спълачивъ, куръцидивъ, щерцеѝ ръутьциле дин суфлетеле воастре, дин-наинтя окилор меѝ, пъръсицивъ де ръутьциле воастре. Лвъдацивъ а фаче бине, къутацѝ жудеката, мжнтуницѝ пре чел напъстуйт, жудекацѝ съракулуй ши фачеѝ дрептате въдувей. Ши веницѝ съ не ѱтребъм, зиче Домнул: ши де вор фи пъкателе воастре ка мохоръчуня, ка зъпада ле вой алби: яръ де вор фи ка рошала: ка лжна ле вой алби. Ши де веѝ врѣ, ши мъ веѝ аскулта, бунъгъциле пъмжнтулуй веѝ мжнка“ (I, 16—19). Аузинд ачаста еу мам умилит ку суфлетул ши ѱ куџетул миеу ам зис къръ Думнезеу: „Ту, Думнезеуле, Унул ещѝ, Чел че ай венит пре пъмжнт съ мжнтуещѝ пре чей пъкътошѝ! Къ пре кум демулт прин пророкул ай грѝт, ятъ акум прин фаптъ ѱплинещѝ ѱтру мине пъкътосул ши невредникул. Пентру къ ятъ де акум ыц дау Ціе кувжнт, фъгъдуинд ку бузеле ши мъртурисинд ку инима, къ де акум ну во май авѣ а фаче ръу, чи мъ депъртезѝ ши мъ ленѣд де тоатъ фъръ делеџа ши цѝ вой служи ціе ку куратъ кунощинцъ. Дечѝ астъзѝ, Стъпжне, приимещемъ пре мине чел че мъ покъеск ши мъ дескарк де тоатъ ръутатя“. Ѓи ку ачесте куџете,—ау мжнтуит vorba са, кълугърюл—еу ам ешит дин бисерикъ, осиндинд суфлетул миеу ши джнд фъгъдуинцъ ѱнаинтя луй Думнезеу пе урмъ ѱнаинте а ну май пъкътуи“. Тоцѝ ау прослъвит пре Думнезеу.

Аша, фракцилор, фоарте грабник ку милостивире есте Домнул къръ чей че адевѣрат съ покъеск! Вом прослъви дар неспусъ милостивиря Луй ши ну вом трече ку ведеря а не фолоси ку я. Не вом грѣби къръ изворул Чел Милостивиторѝ ши не вом сѣла некуръциле суфлетелор ноастре. Пентру къ кжнд таре съ мъскъреще трунул, требуй неапѣрат май деграбъ съл сѣле пре джнсул, ка некурѣця съ ну адукъ во боаль. Дар неасемънат май мулт ной дѣторѝ синтем съ не ѱгрижим деспре курѣциря суфлетулуй де спуркъчунеле пъкатулуй, ка пъкателе съ ну не доведяскъ пре ной, съ ну съ префакъ ѱ боаль адукъ-

тоаре де моарте ши съ ну липсаскъ пре суфлетул де віяца чѣ
луй Думнезеу плъкутъ. Не вом дешепта дар дин сомнул пѣка-
тулуй ши вом дешкиде луй Христос инимеле ноастре. Дупъ
а Са чѣ негръитъ милостивире, Ел фъръ де ничй о лдоялъ—
ва вени ши не ва куръци пре ной ши лѣкаш лтру ной ва
фаче, ши атунчя не вом букура ку букуріе маре, ши пре бу-
курія ачаста нимене ну о ва луа дела ной. Амин.

Сау тълмъчит де преотул **М. Игнатіев.**

(Дин карта „ПРОЛОГУЛ ын ынвъцьтурй“ а протоіереулуй
В. Гуріев).

№ 559.

Издание Совѣта Кишиневскаго Православнаго Христо-Рождественскаго Братства

Печатать разрѣшается. Кишиневъ. 24 августа 1915 года.

Цензоръ протоіерей К. Поповичъ.

Печатано въ Кишиневской Епархіальной типографіи, Харалампіевская 42.